

Людмила Никулина

Не судимы будете

Харьков

2016

ББК 84(4УКР=РУС)6-44
УДК 821.161.1(477)-31
Н 65

Никулина Л. П.
Н65 Не судимы будете: рассказы/Л. П. Никулина;
предисл. В. Полянецкий. — Харьков:
«Федорко», — 2016, — 161 с.

ISBN 978-617-7298-37-2

ISBN 978-617-7298-37-2

© Никулина Л. П., автор, 2016
© Полянецкий В. А. предисл., 2016
© Некоз М. В., оформление, 2016
© Федорко М. Ю., издатель, 2016

В СЛОВЕ ДОБРОМ И ПРАВЕДНОМ

О творчестве Людмилы Никулиной читатели могли судить по ее поэзии — яркой, лирической, насыщенной новыми оригинальными образами.

Любовь к художественному слову у Людмилы проявилась еще с детства, может, потому, что родилась и проживала она в прославленном великим Гоголем крае — на живописной Полтавщине, среди ныне живущих потомков Тараса Бульбы, кузнеца Вакулы, красавицы Оксаны и целого ряда таких же колоритных персонажей.

Полтавская земля очень богата талантами. Среди них — поэтесса и певица Маруся Чурай, искатель истины, философ и оригинальный писатель Григорий Сковорода, бессмертный автор «Енеїди», «Наталки Полтавки» — Иван Котляревский, писатели — Панас Мирный, Архип Тесленко, Олесь Гончар, братья Григорий и Григор Тютюнники, Павло Загребельный... Поэтому здесь и рождаются новые таланты.

Стихи прилежной ученицы появились сначала в школьной стенной газете, затем в институтской многотиражке. Обучалась в литературной студии имени П. Тычины при Харьковской

областной организации Союза писателей Украины, печаталась в периодических изданиях — газетах «Слобідський край», «Панорама», «Слобода», «Кримські зорі», в литературно-художественных журналах — «Слобожанщина», «Зорі вечорів», альманахе «Слобожанський круг». Значительная часть ее стихов положена на музыку и записана на дисках. Среди них такие известные как «Париж», «Дождь», «Песня о море», «Превзошла печаль мою весну», «Белый снег» и многие другие.

...Были литературные студии, молодежные семинары. Однако став дипломированным специалистом, образное видение целиком поглотила серьезная и очень ответственная работа судьи. Хотя талант брал свое — оригинальные мысли, короткие миниатюры аккуратно укладывались в дневники, записные книжки, дабы не увяли усохшими цветами, чтобы вспыхнуть потом ярким буйным цветом.

Долгое время творческий огонь то затухал, то разгорался. На свет время от времени появлялись ее поэтические сборники: «Превзошла печаль моя весну», «Разменяла судьбу», «Флейта зимы», поэтического альбома «Маргарита» и др.

И, как это часто бывает, поэзия Людмилы Никулиной переливается в прозу. В своей книге «Небумажные страницы» автор поместила несколько рассказов, в которых раскрылся необычно зрелый талант прозаика.

Затем увидел свет сборник рассказов «Клетка», в котором немаловажное значение сыграла профессиональная деятельность, связанная с судопроизводством. Ведь сколько образов, характеров, судебных решений довелось за эти годы пропустить сквозь сердце!

В рассказе «Не судимы будете», что стало поводом для названия этой книжки, на помощь героине, тоже, кстати, судьбе, которая находится на операционном столе между жизнью и смертью приходит сам... Николай Васильевич Гоголь. Образ писателя выписан очень броско, умело, где ярко высветлен не только характер литературного гения, но даже узнаем его мысли, не дошедшие до читателей.

И уже зримо видим и слышим голос героини, которая решила на разрыв с самым близким человеком, как бы разделяем с ней ее переживание. Автор передает ее настроение очень тонко, бережно, а «...мысли перекрывают одна другую,

похожие на волны, то приближающиеся, то откатывающиеся в глубь моря, тянущего их назад... иск, выстраданный в моей душе и сознании, созревший, как осеннее яблоко в саду, иск о том, как распалась наша семья, что я еще не совсем сошла с ума, понимаю значение своих действий... прошло несколько часов, и сороки за окном закружились над голым без листьев орехом, который осенью оказывается совсем открытым для зимних холодов, снегов, морозов...» (Иск).

Не остается без внимания Людмилы Никулиной жизнь за окном судейского зала. В рассказе «Шарик» изображены характеры людей, отторгнутых обществом, которых уже не воспринимает и не понимает никто, кроме доверчивого домашнего животного — пса Шарика.

«...Выйдя на улицу под конвоем, он на мгновение остановился перед входом в автозак, втянул в ноздри последний глоток воздуха свободы и машинально оглянулся. У двери суда сидел тот самый Шарик, поджав под себя переднюю лапу. Его собачий взгляд с помутневшими от старости некогда карими глазами заставил Серого на мгновение вернуться в ту ночь и проклятую подсобку с ее воплями и темнотой, отчего

он вздрогнул и отвел взгляд... Колеса стучали и стучали, увозя Серого к месту отбытия наказания, а в ночном окне вагона блестели собачьи глаза, глаза Шарика — безмолвного свидетеля этой истории».

Представленная на суд читателей книга «Не судимы будете» разнообразна по своим идейным и тематическим направлениям. Здесь и грусть, и патетика, и легкая ирония. Трагикомично выглядит ситуация в шкице «Жалоба», где пожилой человек остается сам-на-сам со своей бедой.

Привлекает внимание сам стиль Людмилы Никулиной — выверенный, сочный, подсказанный ей ее добрым чутким сердцем, душой, жизненным опытом, безусловно, неповторимым талантом литератора.

Виктор Полянецкий,

член НСПУ,

Лауреат литературной премии

Костя Гордиенка,

*Международной литературной премии
фонда Воляников-Швабинских (США).*

НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

«Сегодня день будет жарким, потому что с самого утра уже нечем дышать» — думала она, поднимаясь по лестнице здания суда в свой кабинет. Как всегда, она с восьми часов уже на работе, хотя рабочий день начинается с девяти утра. Но что поделать? Многолетняя привычка приходить пораньше, чтобы успеть подготовиться к процессу, у нее выработалась давно. Сегодня она будет слушать уголовное дело по обвинению Зацепина Игоря Николаевича в совершении мошенничества. Перелистывая материалы дела, судья знакомится с факбулой обвинительного акта, делая отметки на отдельном листе бумаги.

— Так, ну и личность, — рассуждает она вслух. — Ранее неоднократно судим, вновь совершил преступление в период условно-досрочного освобождения, взял у прохожего мобильный телефон позвонить и скрылся, присвоив его. Да, еще тот голубчик, проблем не оберешься. А что у нас тут по доказательствам? В реестре перечислены дан-ные о потерпевших, свидетелях, протоколах следст-венных действий... Ладно, в заседании разберемся.

— Лена, — обращается она к своему секретарю, проверяя явку пока я выпью чашечку кофе.

Помощник судьи Марина — очень толковая девочка с двумя высшими образованиями, подает судье только что приготовленный свежий кофе. Вообще аппарат судьи состоит из трех человек — судьи, секретаря судебного заседания и помощницы судьи. На данный момент они все имеют высшие образования, юридически подкованные и достаточно грамотные. Еще бы, такая ответственная работа, связанная с судьбами людей.

— Вот что тут поделаешь? — говорит судья. — Не могу отказать себе в этом по утрам и именно в суде. Не пойму, с чем это связано? Но именно утром этот напиток заряжает меня на целый день. Именно утром, — повторила она, подходя к окну и открывая его настежь. — Вот жара будет, жаль, что кондиционер сломался, как мы перенесем это лето? Не знаю. Надо волосы подколоть, чтобы не было дискомфортно, да и дрезкода судьи не мешало бы придерживаться — размышляла она. — Марина, где ежедневник? Сколько еще сегодня предстоит дел рассмотреть кроме этого?

— Да вот же он, — помощник торопливо подает его судье.

— Ничего себе, еще пять гражданских дел и десять административных. Если уголовное пойдет, то по остальным делам пусть подождут, переносить на другую дату нежелательно.

В этот момент в окно залетела какая-то птица и стала кружиться по кабинету, цепляясь крыльями за стены, мебель.

— Марина, срочно иди сюда! — почти закричала судья.

Марина стала ловить ее руками, но птица металась из угла в угол, как сумасшедшая. Тогда девушка взяла папку и стала бегать по кабинету, размахивая ею во все стороны. Она нечаянно задела бумаги, которые находились на письменном столе, и они вместе с уголовным делом слетели на пол. Помощник вместе с судьей бросилась их собирать, а птичка незаметно выпорхнула из окна наружу, оставив после себя так внезапно возникшую неразбериху.

— Такая маленькая, а столько шума наделала! — запыхалась Марина, аж веснушки на ее раскрасневшемся личике выступили. — Пейте кофе, Галина Назаровна, а то остынет. Я сейчас все поправлю. Не волнуйтесь.

— Да, да... конечно, Мариночка... Я не волнуюсь, ответила судья, — а про себя с тревогой подумала:

— Это не к добру, плохая примета. Мало того, что артериальное давление высоковато, а тут еще жара и это сложное дело.

После птицы у нее осталось какое-то неприятное ощущение дискомфорта, запаха какого-то — не то сырости, не то плесени, как из разрушенного погребца потянуло.

Пытаясь уйти от этого состояния, судья опять подошла к зеркалу, начала машинально поправлять прическу, увидев в нем отражение своего побледневшего лица, подкрасила губы, привычным движением надела мантию и направилась с делом к залу судебного заседания, где секретарь уже проверила явку лиц, прибывших в суд, ввела координаты дела в компьютер, чтобы при помощи звукозаписывающего устройства можно было осуществлять полную фиксацию судебного процесса.

Войдя в зал, она прошла к креслу и предложила присутствующим присаживаться, но тревожность нарастала и преследовала вместе с запахом этой внезапно залетевшей птицы. От выпитого кофе колотилось и вроде бы аж останавливалось сердце. Горло сдавливали спазмы. Это бывало с нею и раньше, она не переживала по этому поводу, знала, что начнется процесс

и все пройдет, в худшем случае, можно незаметно выпить таблеточку.

Обвела взглядом присутствующих. В зале кроме отдельных граждан также находились журналисты с видеокамерами, конвоиры, доставившие ее подсудимого в суд из следственного изолятора.

А вот и группа поддержки на месте. Она встретила взглядом с Точеным, который смотрел на нее вызывающе нагло. Здесь же находились Будуин и Белый, его дружки по отдаленным местам.

«Думаешь отведу, — думала про себя. — Нет, это ты блефуешь, мразь. Хватило совести в суд придти после такого. Он что, специально явился покрасоваться, может быть думает, что его взяла? Не парься, браток, скоро назад поедешь и никакой «Закон» Савченко» не поможет. Лучше бы на фронт пошел Украину защищать, но такие, как он, там не нужны, не достойны. Хотя почему ребята молодые в боях на Донцеком направлении от пуль погибают, а Точеный и Зацепин живут? Пришел тут отслеживать, что будет говорить его дружок, какие показания будет давать. Да если Зацепин откроет рот, он не только в поделниках

окажется, сам в подельники запишется, потому что такие все, как один, на самом деле, труссы. Смотрит он. Жаль, что судебный процесс является открытым для всех, а то я бы его на порог суда не пустила, чтобы не разводил тут...

Но почему этот навязчивый, сверлящий душу запах, раньше ведь такого не было?

Что смотришь, тварь, под амнистию попал? Долго не продержишься. И почему в этом законе не прописано таких, как ты, сразу же на передовую, на фронт отправлять. А то вон соседка моя воет по ночам, как одинокая волчица, сына убили, только гроб привезли, а его больше нет. Вот как такое пережить? Бедная, она так постарела, что узнать невозможно. А Точилины живут.

Таких уродов и земля не примет. А вот еще Дериев П. О., получивший пожизненное содержание. Работника полиции при преследовании застрелил, просто так, целился в ноги, а попал в сердце. Такое хладнокровие на процессе она еще не видела. Давал пояснения так, как будто бы ему все должны. Вот ничтожество! Тогда, после заседания она впервые за столько лет работы, закрылась в кабинете и не выдержала — расплакалась. Да потому, что каждый процесс судья через

себя пропускает, а здесь молодой парень погиб, только что поступил на юрфак, мечтал быть юристом, мама не вынесла — insult разбил. Господи, защити людей от преступников! Спаси и сохрани!»

Вообще судебный процесс за новым уголовно-процессуальным кодексом Украины, которым полностью изменен порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел, ей не совсем пришелся по душе, поскольку, следуя этому порядку, в суд прокуратурой передается лишь обвинительный акт и реестр материалов досудебного расследования. Все доказательства о виновности либо невиновности лица суд добывает самостоятельно в процессе рассмотрения дела по существу. Но самое существенное заключается в упразднении института доследования.

Итак, судебное заседание начато.

«Ну что такое? Просто тошнит от этого запаха. Ведь она раньше за свою судебную жизнь слышала разные запахи: и бомжей, и перегарных алкашей... Одним словом людей, опустившихся на самое дно и искалеченных своими руками судеб, но это ноющее подспудное предчувствие с запахом мрачной птицы...

Зацепин... Зацепин... Худощавый, среднего роста, уверенный в себе. Такой же циничный взгляд, как и у Точеного. Ничего, у суда найдутся доказательства, чтобы справедливость восторжествовала. Хотя, небось, он тоже амнистию дожидается. Ничего. Все равно назад вернется. Ведь зона — его дом родной».

Прокурор огласил обвинительное заключение, и судья приступила к установлению личности подсудимого. Он назвал свою фамилию имя, отчество, дату рождения, конечно же, не работает, а вот прежних судимостей букет, вновь совершил преступление в период условно-досрочного освобождения.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, сейчас главное для нее определить его психологический портрет. Только между судьей и подсудимым может сложиться диалог без слов. Глаза преступника — вот истинное отражение его сути. И чем опаснее преступник, тем легче его обнаружить. Рецидив шлифуется годами, но его признаки опытный судья определяет без промаха... по взгляду ...

В этот момент она почувствовала неожиданный дискомфорт в груди, сопровождающийся

переходом в резкую загрудинную боль. Она потянулась рукой, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу на блузке, находящейся под мантией... Но все куда-то поплыло... И в таком полубредовом состоянии она ощутила тот же невероятно мерзкий запах, забивающий дыхание...

— Скорую, скорее вызывайте скорую — доносился издали чей-то крик. — Зовите скорее председателя суда... Сверлящий взгляд Точеного... Да, он может убить ее... почему он на свободе? Недавно одного судью убили в его же квартире, и всех членов его семьи, среди которых была беременная женщина. Нет, не просто убили, а обезглавили ... Это преступление до сих пор не раскрыто... А вот...

Её мысли начали путаться, перед глазами, как в тумане, поплыли лица... Зацепин... Точилин... Секретарь, где Зацепин? Почему темно... темно...

Она увидела себя со стороны, сидящую в зале судебного заседания и ведущей судебный процесс по делу по обвинению выдающегося писателя Н. В. Гоголя. Да, именно его. В судейской мантии, с нагрудным знаком судьи Украины, а он стоит за трибуной, вцепившись обеими руками в ее края. Маленький какой-то, совсем

худой, с болезненно-блестящими глазами. Справа от нее сидит прокурор, важно перелистывая страницы уголовного дела, которое он по-своему ходатайству передаст суду в порядке разрешения ходатайств, слева — защитник подсудимого — молодой человек лет тридцати, который вместо того, чтобы думать о том, как правильно выстроить линию защиты, постоянно отвлекается, передает обвиняемому какие-то совершенно не относящиеся к делу документы.

В зале находятся какие-то люди, их много, но они одеты в старинные одежды, судя по красивым шляпам дам и черным фракам мужчин. Они о чем-то переговариваются, поддерживая свое общение аристократическими улыбками... Вот, в полубороте от нее, стоит, поправляя пенсне, какой-то солидный дворянин... Вот чопорная дама, одетая во все синее, размахивает веером перед своим припудренным личиком... Зацепин, мелькнул между ними. Он...

Все, как в тумане, плавающем среди множества движений и жестов... Она пытается огласить от имени суда, какое дело будет слушаться, но губы не слушаются, а слова, как тянущиеся нити, становятся все протяжнее и длиннее. Но в этот момент

громко открывается окно, и потоки свежего воздуха обжигают ее лицо, возвращая второе дыхание, после чего она устанавливает личность подсудимого.

— Гоголь Николай Васильевич, — спокойно отвечает он. — Родился восемьсот девятого года, марта двадцатого дня в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье помещика, продолжателя рода Гоголь-Яновских. Меня назвали Николаем в честь чудотворной иконы святого Николая, хранившейся в церкви села Диканька, проживаю там же, работаю... пишу по-прежнему... ранее не судим...

Даже в таком отключении она понимает, что перед нею великий писатель, она спрашивает, признает ли он себя виновным и готов ли давать показания по предъявленному обвинению.

— Нет, не признаю, но показания давать буду, — сосредоточенно отвечает он, слегка покачиваясь.

— Тогда скажите, почему вы здесь?

— Ваша честь, — обратился он к ней, поправляя упавшие на восковой лоб русые волосы, позвольте сначала мне задать вам несколько вопросов?

— Суду вопросы не задают, — отпарировала она.

— Нет, вы все же ответьте, — уже несколько раздраженно настаивал он. — Почему вы, женщина, избрали себе такую профессию и по какому праву вы сейчас взялись судить меня? Разве это правильно? Возможно, вам и не понравились мои мотивы в комедии «Ревизор», связанные с образами судейских чиновников, судопроизводством, взятками и страхом перед ревизией. А может быть, вы осуждаете уездного судью Ляпкина-Тяпкина, который свои обязанности не выполняет, пусть городничий во всем разбирается. Но вы не забывайте, что при всей комичности моих образов, я всегда уповал только на Высший Суд.

— Не подумайте, что явились на какое-то судилище, лично я вас не сужу и не осуждаю, — торопилась объяснить ему она. И неожиданно для себя, вопреки своему статусу и процессуальному положению она вдруг перешла на позицию защиты, обратившись к прокурору с такими словами:

— Господин прокурор, на каком основании вы выдвинули обвинение автору «Мертвых душ» и «Вечеров...» Это же вы довели его своими обвинениями до состояния неизбежности... Это из-за вас он сжег второй том «Мертвых душ»!!! — Кстати, подсудимый, — продолжала она, обратившись к Гоголю Н. В. — Николай Васильевич,

в силу каких обстоятельств вы оставили родной дом и проживали в России?

— Я не помню, не знаю... Спросите у моей матушки... — По его лицу катился выступивший крупными каплями пот, подчеркивая и без того его серую бледность.... — И все же вы устроили суд надо мной, — настаивал Гоголь. — Тогда позвольте узнать и мое мнение. Я не буду осуждать вас, потому что вы моя землячка и любите мои края, как и я. Меня интересует лишь одно, почему вы выбрали меня и так же, как и я, обожаете уединение? — После этих слов он оставил трибуну и медленными шагами направился прямо к ней... Остановился... Прищурился, вглядываясь в черты ее лица... — Не отвечайте, не надо... И не вам меня допрашивать, хотя вы и судья, не судите меня судом земным, я многое не успел, но все мои повести еще впереди. Люди забрали мой череп, но не меня. Вот и вы, тоже, извольте хранить свою душу потому, что судья не может быть без души.

— Что вы! Разве судья на земле, перебирающий тома Законов, может судить такого одаренного писателя, как Вы, живущего вечно?

— Меня никто не может ни судить, ни осуждать! — почти вскрикнул он, судорожно держась

за лацканы своего изношенного сюртука. — Потому, что я и не здесь, и не там, да и работу свою еще не закончил, продолжаю писать...

— А вы думаете, что судья — это награда!? — продолжала оправдываться она. — Да это такая ноша, которую я держу много лет на плечах, боясь пошатнуться, чтобы другие не заметили... Моя должность забрала у меня, если не все, то всех, кого я любила и кем дорожила, эта рутинная работа привязала меня цепями к мантии, звенья которых могут разлететься в одночасье, вместе с заслугами и почетом под аплодисменты меняющей власти... — говорила она, чуть волнуясь. — Но, хотя бы скажите, почему вы ездили в Италию? Вы были больны? — наставала она, снимая с себя мантию и приближаясь к подсудимому.

— Да, я был болен, но не телом, а душой, я прятался от нее, потому и путешествовал по Европе, уезжая так далеко...

— От кого? — продолжала допрос она, протягивая к нему свои руки и чувствуя холод, идущий от его пальцев.

— От смерти... Она гонялась за мной повсюду, но так и не догнала, понимаете, я не могу умереть...

После этих слов он взял ее за руку и повел из зала. Они долго шли по незнакомой дороге,

устланной разноцветными мальвами. Вокруг никого, лишь густые кустарники по обе стороны кланялись своими ветвями, как бы участвуя в их потустороннем свидании.

— Смотрите, видите сколько я уже написал, а у вас еще все впереди, не останавливайтесь и не отвлекайтесь на пустяки, — тихо проговорил он, поднимая голову к небу, откуда посыпались бумажным дождем его рукописи, которые медленно кружились и с шелестящим шорохом опускались вниз, обволакивая их пространство прозрачной, переливающейся в движении белизной, с бегающими рядками живых букв неповторимого гоголевского почерка...

В этот момент ее что-то толкнуло, она очнулась, увидев наклонившихся над нею людей в белых халатах и масках, но невидимая волна отбросила ее назад и вновь понесла по длинному коридору далеко-далеко, где она гуляла по лугам, усеянных разнотравьем, пила хрустальную воду из бьющихся из-под земли родников, гонялась за махровыми бабочками....

— Мама, мамочка моя! Ты же тоже родилась и выросла на реке Псёл, ты там его встречала? Так и ты тоже до сих пор жива? А почему ты сейчас здесь?..

— Да, я сейчас здесь и хочу тебя предостеречь, если ты забыла, кого судишь, ведь это же сам Гоголь, который в своих произведениях так выстрадал нашу с тобой Украину, что тяжело смеяться сквозь его слезы и его незаметную для всех трагическую судьбу... Не судите его, да не судимы будете...

— Мамочка, если бы ты знала, как мне трудно, как мне тяжело... Многие этого не понимают, но крест, который я несу, избрав профессию судьи, с каждым годом становится все тяжелее. Только бы не упасть, не споткнуться, не подвести мой суд...

По ее телу пробежала легкая дрожь, и она судорожно открыла глаза.

— Просыпайтесь, просыпайтесь. Операция закончена, — слышит она, как из трубы, чей-то голос и вновь проваливается...

Половина седьмого утра. В палате тихо, только легкий шорох жалюзи на окнах и чьи-то еле различимые шаги по коридору.

Она открыла глаза и осмотрелась по сторонам.

— Что со мной? Где я? — вопросы сменялись один за другим. Как же хочется пить...

— Не волнуйтесь, — раздался рядом чей-то женский голос. — Вы в реанимации, все уже позади.

— Меня что, с работы забрали? — спросила она, одновременно понимая, что случилась беда,

ее сердце не выдержало нагрузки, оно остановилось на глазах у всех... Вот обидно, лучше бы никто этого не видел, не хотелось выглядеть беспомощной перед уголовниками. Ну, да и черт с ними, пусть порадуются.

Она тихонечко приподнялась.

— Родственникам сообщили?

— Да, они сейчас с вашим врачом общаются, там же и ваши коллеги по работе.

— Дайте мне мой мобильный телефон, — обратилась она к вошедшей дежурной.

— Вам нельзя сейчас, — тихо ответила медсестра.

— Тогда передайте, пожалуйста, моему секретарю пусть дело Зацепина переназначит на более близкое время, у него срок содержания под стражей заканчивается.

— Непременно передам, не волнуйтесь, вам сейчас надо спокойствие соблюдать. — И продолжила: — Вы бредили, с каким-то Николаем разговаривали.

Судья молча отвернулась к стене и закрыла глаза.

«Господи, значит, жива, значит еще успею закончить все свои дела. В Полтаву поеду, на родину к себе, тянет меня туда, Николай Васильевич, тянет...» — катились ее уставшие мысли к нему, своему спасителю...

ОЧЕРЕДЬ ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Он стоял на балконе одной из киевских гостиниц и любовался купающимся в легких летних волнах воздуха, переливающимся разноцветными бликами, величественным столичным пробуждением, открывающим в его душе бескрайние горизонты непередаваемого утреннего наслаждения от того, что его жизнь, как и это необыкновенное утро, начинается с нового глотка воздуха, нового звука льющейся из крана воды, еле понятных, но уже уловимых ощущений никем еще не тронутого равновесия.

Да, есть у каждого начавшегося дня какие-то свои закодированные нотки, которые звучат по-разному, а смысл один — жизнь продолжается.

Он приехал в этот город, расположенный на севере центральной части Украины, чтобы увидеться с той, которая тогда, в далеком 2010-м, на островке одного из самых известных горнолыжных курортов в Западной Европе — Буковель, удалённого от городской цивилизации, так понравилась ему своей непосредственностью, что до сих пор его не покидает ее нежный след на титрах своих воспоминаний. А ведь виделись

они всего несколько дней и то при подъемах и спусках, потом неплохо провели вместе вечер в ночном баре и эта сумасшедшая ночь...

Тогда он отдыхал в Буковеле один, пытаясь укрыться от нахлынувших отовсюду одновременно проблем на работе, от упреков жены дома, в конечном счете, от всего, что порядком надоело и тянуло вниз. Да что там вспоминать, думал уехать, куда глаза глядят, хоть на экватор, лишь бы побыть в одиночестве, стряхнуть с себя монотонность и зачастую бессмысленность проводимых впустую дней, освободиться от постоянных и разных мыслей, преследующих, как они это умеют, везде, и даже в самых казалось бы укрытых от них местах. Но куда уйти от своего сознания, от себя самого. Это же круг, по которому легко скользить, но даже упасть, если захочешь, невозможно. Там он увидел ее — женщину совсем молодую, где-то лет тридцати. Вначале он не обращал на нее никакого внимания, но уже на второй день своего пребывания на лыжне они опять встретились. Она спокойно смотрела вдаль, стоя у подъемника и пропуская лыжников вперед себя. Потом она сидела в баре одна у маленького окошечка, за которым кружились беззаботные снежинки,

прилипая к стеклу, как бы заглядывая внутрь. Она наблюдала за этим бескрайним совершенством природы, держа в руках так мягко и естественно стакан с глинтвейном. В зале еле слышно звучала спокойная мелодия, и стоял убаюкивающий шорох общения находившихся там посетителей. Тогда он, сам не зная зачем, подошел к ней и молча, наблюдая за тем, как она увлеклась законным действием природы, как будто бы, вглядываясь, ждала кого-то издалека.

— Что там? — спросил он ее, дотрагиваясь рукой до стула, на котором она сидела.

— Где? — спокойно ответила вопросом она.

— Там, за снежинками — продолжил он, всматриваясь в черты ее лица, как бы изучая карту для определения места своего нахождения.

— А вы как думаете? — повернувшись и посмотрев ему прямо в глаза, ответила она.

— Я... я так думаю, что тоже займу за вами очередь для просмотра зимних картинок из окна.

— Тогда занимайте — безучастно ответила она, проявив к нему не только равнодушие, но и неприкрытое безразличие. При этом, ее светлые глаза несколько раз прикрывались огромными махровыми ресницами, которые

напоминали крылья птиц, ищущих место для приземления. В этот момент он, не думая ни о чем, неожиданно даже для себя самого протянул ей руку и уверенно представился:

— Александр.

Она также безэмоционально повернулась к нему и спокойно ответила:

— Саша.

— Вы шутите?

— Нет, меня зовут Сашей.

Вот это совпадение, он никогда не встречался с женщинами с таким именем.

— Это правда? — переспросил он.

— О чем вы? — продолжала она, посмотрев в его сторону уже несколько потеплевшими глазами.

— Так вас зовут Сашей? — поспешил опять уточнить он.

— Да, я Саша, Саня, Шура, Санек, Сюша, Александра — как хотите... Меня по всякому называют.

— Я из Харькова, а вы? — продолжал он уже начавшийся диалог.

— А я из Киева, почти соседи.

Слова... слова... Они опутывали своими невидимым нитями, приближая и отдаляя их любопытные

взгляды в этом спонтанном пространстве возникшего знакомства, возможно и не нужного и немного нелепого. Но через некоторое время они уже беседовали за ее столиком этого сказочно уютного бара, делились впечатлениями об отдыхе, рассказывали друг другу комические истории, каждый по-своему, пили вино и вдыхали аромат этого вечера, смешанный с теплом музыкальных звуков, улыбок и какого-то совершенно незнакомого ему ранее некого чувства гармонии. В тот момент он, кажется, находился в состоянии легкой невесомости, когда абсолютное безразличие сменялось улыбкой его новой знакомой, а окружающие вокруг лица казались такими же беззаботными, как и они с Сашей.

Уже за полночь они, не замечая никого вокруг, спешно оделись, при этом, с его стороны не было никаких подчеркнутых ухаживаний, вышли из бара. Звездное небо касалось своим освежающим дыханием их разгоряченных общением и вином лиц. И в этот момент он не думал ни о чем, всё и все отступили на безумно далекий задний план, а в его ощущениях и восприятиях была только она — непонятная и разная, непосредственная и настораживающая. Он не помнил,

как они оказались в ее номере, о чем говорили. Лишь тонкий запах ее волос, смешанный с еле уловимыми нотками косметики, придавал ощущение такой необузданной близости, которая, как маленькая спичка, вспыхнула теплым огоньком, оставляя тени на стенах, обнажая ее плечи, руки, движения. А ее глаза своим необыкновенным свечением дотрагивались до самих потаенных уголков его уже давно зачерствелой души.

На следующий день он, как всегда, аккуратно сложил свои вещи в купленный перед самой поездкой новенький чемодан черного цвета на колесиках, попрощался на рецепшене с дежурным, молодым человеком с открытой улыбкой, и уехал в аэропорт, вспоминая по дороге об обретенном здесь спокойствии и переосмыслении многих до этого известных ему ценностей.

Прижав подбородок к теплому шарфу, окутывающему его шею, он абсолютно абстрагировался от мира, в котором барахтался в последнее время. Микроавтобус двигался тихо по заснеженной и гористой поверхности, оставляя позади смешанные блики оставленного позади курорта, а вокруг синели огромные ели, похожие на великанов, которые тянулись к нему своими

хвойными, засыпанными снегом ветвями. Все это погружало его в какую-то невидимую до этого времени, охватывающую мистическим покоем и теплом атмосферу. И в этом невесомом окружении он неожиданно почувствовал себя каким-то собранным, абсолютно освобожденным от забот и теней. И только там, где-то подспудно, как мелкими иголочками, что-то касалось и подкалывало. «Саня... Саня... Почему Саня? Кто она?»

И опять этот круг... Он возникал и исчезал, переворачивая своим монотонным движением ее имя. «Конечно, она моложе меня и, возможно, многого еще не понимает,— думал он тогда о ней, — наверное, ей абсолютно все равно, просто эпизод, легкая царапина, сторевшая в руке свеча...» И пусть писатели сколько угодно пишут в своих романах о любви, они все равно проезжают в своих афоризмах мимо нее. Вот и он не сумел в очередной раз определиться?.. «Но почему? Значит, дружок, охотник из тебя уже не тот, если не уверен в своих действиях».

А микроавтобус, тем временем, уже прибыл в аэропорт, где доносились давящие на ушные перепонки звуки взлетающих и приземляющихся самолетов, а также постоянно повторяющиеся

одним и тем же голосом объявления. Все как всегда. Он посмотрел на электронное табло, до начала посадки оставалось еще более часа, после чего опустился да диван в зале ожидания.

«Что это было? Сон, придуманная наспех история? Что с ним?» — размышлял он, беспорядочно перелистывая купленный здесь же журнал. И перед ним пронеслись со скоростью ветра воспоминания недавнего неожиданного отъезда. Где она сейчас, чем занимается? Они даже не простились, а он запомнил лишь номер ее комнаты. И больше ничего. Но почему так много, так много ее сейчас в нем?..

Он открыл глаза, посмотрел на электронные часы, висящие напротив, как на приговор, надо идти, скоро тот же голос объявит посадку на авиарейс Киев-Ивано-Франковск и он снова окажется в невыносимой очереди к трапу самолета и больше никогда не вернется сюда. А зачем? Ведь впереди все та же привычная и устоявшаяся во всех направлениях жизнь, работа квартира, где он, кажется, вечно проживает со своей любимой женой. Дети давно разъехались по миру, общение с ними в основном происходит по скайпу, и то по воскресеньям. Его же супруга, как преданный

охранник, всю жизнь стерегла их жильё и его верность, а как же иначе. На то она и жена. Их многолетняя совместная жизнь сделала свое дело — они превратились не только в родных людей, но и в тех, кому все это порядком надоело, однако семейный долг — это, как присяга, не подлежит обсуждению. Куда же девать совместные долги, хождение по гостям и родственникам. Романтики в этом давно уже нет, все в далеком прошлом, хотя он по-прежнему верен их семейным устоям.

А вот Саня ему — никто, так, мимолетное видение, буковельский эпизод, а свежий поток крови уже застучал, пробежался по венам у виска.

В этот момент его мысли оборвал все тот же навязчивый голос, призывающий к очереди в небо, но в голове у него почему-то неожиданно резко перевернулось и молниеносное решение остаться промелькнуло, как свет лампочки, неожиданно потухший и вновь вспыхнувшей среди ночного безмолвия. Он резко встал, схватил за выдвинутую ручку свой чемодан на колесиках и быстро направился к выходу. Нет, он не будет сдавать свой чемодан в багаж, а потом подниматься по трапу самолета в живой колеблющейся полоске, глядя в затылок кому-либо такому же,

как и он. Нет, он сейчас же вернется обратно, туда в зимнюю белизну Буковельского движения, чтобы еще увидаться с нею, обнять и утонуть в том неповторимом запахе ее женственности. Хотя бы на миг вновь раствориться в том состоянии и ощущении, которому до сих пор человечество не может дать точное определение. Ни одна посторонняя мысль не могла перебить принятое решение, ни одно внутреннее чутье или интуиция, все, что угодно, не могли переубедить его в обратном. Он побежал к остановке все того же микроавтобуса, чтобы вернуться к ней и найти, наконец, ответ у этой, оставшейся там неопределенности и недосказанности...

Поспешно засунув чемодан в багажное отделение, он почти вбежал по ступенькам в салон, думая о том, что еще пару деньков у него есть, устроился у окна, довольный своим решением, и облегченно вздохнул. «Куда мне спешить? — сам себя успокаивал он, — домой всегда успею, а вот к ней...»

И снова тот же вид из окна, мелькание титров уже просмотренного кинофильма, успокаивающая тишина и монотонный гул двигателя микроавтобуса, где было почти пусто. Он оглянулся

на старика, который сидел сзади него, обняв мальчика лет семи, внука, наверное... Потом пробежался взглядом еще по нескольким фигурам, сидящим в салоне. «Где она сейчас, чем занимается, как воспримет его возвращение?»

В этот момент микроавтобус резко остановился, водитель выскочил из кабины и стал что-то осматривать, оживленно бегая вокруг машины, постукивая ногами по колесам.

— Что там?— поинтересовался один из пассажиров.

— Не знаю — ответил тот, — по-моему, бензин закончился.

«Этого только не хватало», — подумал он, выходя вместе со всеми из салона и вдыхая неповторимой свежести коктейль горного карпатского воздуха. Под ногами похрустывал недавно выпавший снег, а он, как невидимый странник, затерявшийся в этом остывшем от мороза времени, находился в состоянии своих пылавших от напряжения мыслей уже далеко от реальности. Так далеко, насколько позволяло ему это возникшее в глубинных прослойках мироздания чувство полета и огня, способного зажечь многочисленные костры на пути к ее образу.

...Когда он подходил к подъезду отеля, было уже за полночь, и ее окно зияло темным пятном на светлом фоне внешнего фасада отельного корпуса, отчего по его телу пробежал тревожный холодок и наступило легкое подташнивание.

«Как она воспримет мое возвращение? — стучало в его висках. — Может, позвонить? Да, непременно позвонить. Возможно, это будет не совсем прилично, но другого выхода нет» — продолжал он перебирать свои соображения, судорожно нажимая пальцами на кнопки телефона, установленного здесь же, в холле отеля. Но никто не отвечал, повторяющиеся телефонные вызовы оборвались непрерывным зуммером.

Затем, подойдя к рецепшену, попросил дежурного пропустить его в 21-й номер, но тот удивленно на него посмотрел и как-то неоднозначно ответил:

— Они освободили номер два часа назад.

— Кто они? — почти задышался он.

— Как это кто? Александра Евгеньевна Марченко и какой-то мужчина, который за нею приехал, — невозмутимо продолжал дежурный.

От этих слов у него закружилась голова. «Зачем... зачем... она уехала с другим? Кто он?»

Достав машинально из бокового кармана паспорт, он судорожно протянул его дежурному и тихо произнес:

— Оформите, пожалуйста, мое поселение на сутки в 21-й номер, если можно.

— В двадцать первый? — переспросил дежурный.

— Да, именно в этот номер, в двадцать первый, я что-то непонятно говорю? — уже почти задыхался он, до конца не понимая всей трагедии своего положения.

— Сдали номер и съехали... — рассуждал он вслух, — Почему съехали? Вы так говорите, как будто бы их было несколько,— продолжал он.

— Да,— повторил дежурный, — их было двое— женщина и мужчина.

— Так она же там проживала одна, — настаивал он на своем уже начавшемся внутреннем расследовании.

— Да, одна, но за нею приехал муж, наверное, она освободила номер, сдала ключи и они вместе покинули отель, что тут непонятного? — уже выходил из себя дежурный.

Александр, стоя у рецепшена, не мог двигаться, его ноги стали такими тяжелыми, а в голове так

сильно билось отчаяние, что он на мгновение потерял дар речи. Он вернулся, беспешабашно отодвинув на задний план абсолютно все, что относилось к его повседневной жизни... Он, как сумасшедший, примчался назад, невзирая ни на что и ни на кого, чтобы хоть еще раз увидеть ее... А она уехала вслед за ним, Но с другим...

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он, как убитый горем старик, нагнул голову вниз, увидев свои печальные ботинки, которые, устало, преодолевали одну ступеньку за другой...

«Вот и опять очередь, только в ней я не второй, а первый на пути к опустошенности — думал он. — Вот так получается, мой друг», — продолжал рассуждать, открывая ключом двери ее, нет, уже своей комнаты.

Он вошел, поставив чемодан в коридоре, как бы боясь кого-то побеспокоить, и, представляя, что вот она сейчас вернется в свой номер, осмотрелся, но было пусто, а на журнальном столике стояло два фужера с недопитым красным вином. Здесь же, в коричнево-красной разорванной упаковке, находилась надломленная плитка черного шоколада, а чуть дальше — маленький магнитик с изображением курорта Буковель, очевидно

забытый хозяйкой. В состоянии смешанной неловкости он устало опустился на диван, закрыл глаза и, как загнанный зверь, застонал от осознания того, что не успел, не застал свою Саню, присутствие которой еще пребывало в этом номере, но с каждой минутой таяло и угасало под давлением уже наступившей неизбежности.

Его мысли катились одна за другой, перебивая друг друга, вытесняя и обрываясь в пропасть неожиданной пустоты. «Почему я не взял у нее номер мобильного телефона? Где она сейчас. С кем? Ведь я даже не знаю— замужем она или нет. На что я надеялся? Сбежал, как трус, тогда под утро, когда она еще спала, бесшумно прикрыв за собой дверь. Не разбудив, не сказав ей ничего... Молча... Куда я бежал и от кого? Вернее, от чего?»

Между тем, бьющееся о камни непредвиденности, его отчаяние, постепенно перешло в легкую дремоту, сквозь туман которой он неожиданно услышал чьи-то голоса. Он открыл глаза и увидел молодых людей, проходивших мимо его номера, которые остановились и внимательно на него посмотрели, как бы спрашивая, почему настежь открыта дверь, перед которой стоит одинокий чемодан. Он быстро вскочил с кресла, втащил чемодан в номер и молча закрыл за собой дверь.

«Вот так я закрыл за собой дверь только с другой стороны, когда уходил от нее тогда под утро, не думая ни о чем, и вот вернулся. К кому? Которую совсем не знаю? — думал он, медленно снимая с себя ветровку. — Да и зачем мне ее знать... Но она нужна мне! Нужна... я не могу без нее дышать...»

А пока Александр ждал долгожданного рассвета, чтобы избавиться от тяжести так и не наступившего сна, его мобильный телефон совсем разрядился, прямоугольный экран погас вместе с фотографией его любимого кота Бонифация. Он несколько раз нажал на кнопку включения, но экран не активизировался, добавляя в пепел его и без того растрепанной души все новые и новые гаснущие угольки.

«Что за чертовщина? — подумал он. — Все, как назло, ломается и теряется. Напасть какая-то...»

Александр никогда не отчаивался, он даже был спокоен после аварии на автострате, когда возвращался домой из командировки в прошлом году и «встретился» с «мерсом». Тогда ему крупно повезло, что остался жить, так как его достали из вдребезги разбитой АУДИ без каких-либо серьезных телесных повреждений. Инспектор ГАИ еще пошутил, спросив: «Ну где же твоя рубашка?» Он сразу не понял, о какой рубашке

тот спрашивал, но потом, уже находясь дома, «догнал», что он родился в рубашке.

«И где же сейчас эта рубашка? — рассуждал он.— Я, как пацан, мотаюсь между Буковелем и аэропортом, не понимая до конца, что творю. Надо ли мне все это? А теперь еще и без связи остался, жене не могу позвонить. Да что жена? Она знает, что я никуда не денусь, а если по работе начнут искать?»

Он погрузился в бездну размышлений, пока не догадался включить телевизор, чтобы узнать, какой будет погода на завтра.

«Вот скажи, — обращаясь к самому себе, спрашивал он, глядя бездумно на изображение в телевизионном экране, — что тебе нужно было? Вот придурок, зачем погнался за ощущениями? Ведь ты же не бабник и никогда за женщинами не гонялся. Так что же тогда происходит? Почему сейчас сам себя не понимаешь?..»

Он выключил телевизор и подошел к окну. Рассвет уже начинал сереть, а зимнее солнце карабкалось вверх по гористым склонам Карпат, цепляясь скупыми лучами за края пятнисто-серого неба, накрывшего своей снежной шапкой это туристическое местечко.

Но что-то в этом было не то, и не так, как он хотел. А к горлу подкатилась все та же тоска, уйти от которой он уже даже не пытался— не было внутренних сил вступать в единоборство с противоречиями, бурлящими где-то под ложечкой и переходящими в ноющую боль под лопаткой.

Он быстро оделся и почти выбежал из отеля, чтобы просто пройтись по территории и хоть как-то свести воедино свои мысли, разбросанные по всему периметру его и без того уставшего сознания. Морозный воздух отрезвил его мечущийся, как огонь в камине, пыл, он держал в руке перчатки, почему-то не надевая их, а его шаги произвольно катились по извилистым вымощенным из гранитной плитки дорожкам, просто так, в никуда.

Когда он, освежившись за время такого спонтанного утреннего проминала, подошел к двери того же бара и дернул массивную ручку на себя, он понял, что упорядочить ни мысли, ни чувства не удалось. Внутри было тепло и спокойно, несколько отдыхающих сидели за столом и о чем-то оживленно беседовали. А у стойки бара стояла какая-то девушка и мило общалась с барменом. Он подошел к бару, заказал бутылку виски,

после чего направился за тот же столик, где они с Сашей познакомились. Он сделал несколько глотков и безразлично осмотрелся вокруг — все было, как тогда, но до невозможности наоборот, от прошлых ощущений не осталось и следа, там было одиноко и пусто... Там не было ее...

На следующий день он, все на том же микроавтобусе, добрался до аэропорта. Позади остались карпатские ели и уже совсем чужой снег, местами переходящий в начавшуюся метель, который мечущимися во все стороны потоками белоснежной пыли прогонял его из этих мест, засыпал следы такой нелепой и безрассудной потери. Он был таким же белым и чистым, как его чувство к ней. И Александр не сопротивлялся этому, потому что позади ее уже не было. А в кармане теплился бегло написанный на листке бумаги адрес места ее жительства, выпрошенный им в отеле, и маленький магнитик, прихваченный со столика в ее номере.

Города. Города... Они, как люди, имеют свою судьбу, они на макроуровне общаются со звездами и укладывают спать миллионы людей, в том числе и своих маленьких жильцов, освещающая неоновыми бликами их беззаботные сны.

В городах живут и знакомятся с ними проездом, их любят, как и людей, и ненавидят, когда нечто параллельное перестает быть родным.

Но любви... Возможно, она и есть, безусловно, есть. Многие пытались дать этому чувству свои субъективные определения, сравнивая ее со страстью, болезнью, наваждением или даже сумасшествием.

Кстати, взгляды австрийского психолога Зигмунда Фрейда на женщин вызывали споры в течение всей его жизни и по-прежнему остаются спорными и сегодня. «Женщины противятся изменениям, являются пассивными получателями, сами при этом ничего не дают», — написал он в одной из своих работ.

Да, Фрейд сравнивал любовь с болезнью, которая, по его мнению, длится всего четыре года. А что, если сплошная нелюбовь или какое-то промежуточное состояние, застрявшее между прошлым и будущим у человека, наделенного талантом такого же психолога, как Фрейд, или его ученика Юнга. Что тогда? Возможно, любовь и имеет свои временные границы, но на файле человеческой памяти она зависает уж точно навсегда. Ни стереть, ни уничтожить...

В дверь неожиданно позвонили, он вздрогнул и поспешно направился навстречу звонку. На пороге стояла девушка, высокого роста, с длинными ухоженными волосами и удивленно смотрела на него.

— Извините, я, кажется, ошиблась номером — смущенно заговорила она, — еще раз извините.

— Что вы, не стоит... — смущенно ответил он, измеряя взглядом ее рост. — Не стоит...

Постояв несколько минут за закрытой дверью, он вновь вернулся на тот же балкон. Внизу кипело движение, многочисленные автомобили плыли по Крещатику, как маленькие кораблики по бесконечной реке воспоминаний. Один за другим, в живой и бурлящей энергией очереди, оставляя позади уже бывшие отношения, вчерашние встречи, остывшие переживания и потери. Очереди за продолжением, в которой нет места для буковельской симфонии, уже не существует... Там уже другие направления и совсем иные лица и звуки. Там нет ее, Саши, вышедшей, возможно, из одного из этих автомобилей на остановке недомолвленности, и растворившейся в дымке всепоглощающего времени.

Вечное движение и очереди, бесконечные очереди. У него в руке неожиданно хрустнул маленький магнитик, забытый ею тогда в отдельном номере, который он всегда брал с собой в поездки, как талисман.

...Он так и не встретился больше с нею, не посмел. Но сколько же сил она давала ему все эти годы, чтобы не оборвалась струна надежды, соединяющая их невидимый мир с той встречей в заснеженном Буковеле.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

У нее на сегодняшний день не было настроения. Вот не было и все. Не могла понять, как так получилось, что колесо времени вернуло туда же, откуда она когда-то шагнула в мир, полный разных, ой, каких же разных людей. Как будто бы и не было молодости, мечущихся стремлений, порой безумных. Как будто все это время не ходила на работу, не училась в вузе, не любила... Все стерто с листа памяти, все заморожено. А сейчас она одна, как сломанная кем-то веточка. И оторваться от дерева не может, и висеть вот так, перекосившись под ветром жизненных испытаний и постепенно увядая, тяжело.

Так думала Мария. Она относилась к той категории современных дам, которые не любят распространяться о своем возрасте, семейном положении и прочих, относящихся к ее интиму вещам. Она, имеющая такое великое имя Мария, которым обязана своим родителям и матери Божьей, никогда не задумывалась об этом, хотя такое имя должно было что-то означать в ее жизни...

И так размышляла она, когда поднималась по лестнице, напоминающей спортивный снаряд,

на четвертый этаж хирургического отделения больницы, придерживая на плече свою любимую сумку-клатч, неуклюже поднимая ноги в бахилах, которые надела в раздевалке, когда давала пять гривен дежурной — невысокой, худощавой пенсионерке, взгляд напоминал глаза обиженной домашней кошки, которой не дали мяса во время обеда...

Там, в палате № 6 (это же надо, как у А. П. Чехова) лежала после операции по удалению желчного пузыря ее давняя подруга Леночка Корницкая — некогда первая красавица их курса химико-биологического факультета университета.

— Привет, — тихо ответила та на приветствие Марии. — Проходи.

Всегда ухоженная, элегантная в подборе одежды, Мария вошла в палату, быстрыми шагами подошла к больной, поцеловала ее в побледневший от недостатка свежего воздуха лоб, устало опустила на стул и громко спросила:

— Ну, как ты, жива-здорова?

— Да, как видишь, жива, — ответила Леночка. — А ты? — продолжила она диалог двух подруг.

— А что я? У меня все нормально, только настроения какое-то, как перед грозой, даже дышать тяжело.

— Ну и зря, — приободрившись, ответила Лена. — А я здесь с таким доктором познакомилась, —

супермужчина! Он вчера делал обход и спросил меня, как я себя чувствую, после чего подошел ко мне, положил свою большую руку на мое плечо и как-то по-особому нежно сказал:

— Ну, дорогая, пора подниматься, ходить будем.

— Наверное, я ему понравилась, — продолжала уже более оживленно Лена.

— А кому же ты не понравишься? — ответила Мария. — Ты хоть косметичку с собой взяла? Надо сделать срочно макияж, прическу, может быть, он действительно достоин твоего внимания.

— Да как же я в условиях больницы буду собой заниматься? — забеспокоилась Лена.

— Очень просто, когда начнешь подниматься, я увезу тебя на полдня из больницы в салон... Ну, помнишь, на улице Пушкинской? Вернешься, как новенькая!

— А швы? Вдруг они разойдутся? — засуетилась больная.

— Они же у тебя не на лбу! Кто знает, кроме твоего доктора, что ты прооперирована? А ему, я думаю, это все равно, ведь ты и так, если мне не изменяет моя интуиция, уже понравилась ему, — почти пророчески произнесла Мария. — Да, кстати, давай попробуем подняться на кровати, поближе к спинке, — предложила она.

— Я боюсь, а вдруг шов разойдется, — забеспокоилась Лена, пытаясь при этом приподнять свое тело на согнутых локтях так, чтобы подтянуться к спинке кровати.

— Вот так, еще немного... — продолжала Мария, помогая Ленке приподняться. — Теперь ты как себя чувствуешь? — Мария почти усадила больную на кровати.

— Слабость еще есть, и голова немного закружилась...

— Ничего, это нормально в твоем положении, — Мария держалась одной рукой за кровать, а другой поправила Ленкины волосы. — Плохо вот только то, что ты одна в палате, некому за тобой присмотреть.

— Я не одна, соседка заходит из соседней палаты. Помнишь, Тамара с нашей группы? Ей тоже операцию сделали, только на неделю раньше, а сейчас она уже гоняет по коридору, как лошадь по скошенному полю.

— А сегодня она заходила к тебе? — допытывалась Мария.

— Нет еще... Наверное, тебя увидела — негромко ответила Ленка.

— Да! Я совсем забыла! А ты завтракала? — спросила Мария.

— Нет еще, но кашу принесли из столовой, на тумбочке вот стоит, но я не хочу есть, — как-то вяло и тихо ответила Лена.

— Ну и не надо, я тебе тут кое-что принесла. Куда положить фрукты? Уже мытые, кефир сегодняшней, сок твой любимый томатный... — торопливо вынимая из большого целлофанового кулька с рисунком парижской Эйфелевой башни, продолжала Мария. — Я и коньячок захватила, может, пригодится.

У Ленки после нескольких суток послеоперационного голодания и от такого перечисления вкусов брови поднялись вверх, выражая не то удивление, не то восторг — понять невозможно.

— Какой коньяк? Ты с ума сошла! — выпалила она, поглядывая на дверь палаты, как бы призывая невидимого доктора к участию в их с подругой переговорах о затаившемся завтраке.

— А такой, на фронте только спиртом и лечились, да сами врачи его употребляют, — ответила Мария.

— Так они же на работе, при службе, — пыталась возразить Ленка.

— Да, они на работе, а ты — после операционного стола, тебе тем более можно.

После внезапно возникшего спора о спиртном Мария достала из тубуса их с Ленкой любимый коньяк «Hennessy», фужер из чешского стекла, который специально для Ленки достала из шкафа, готовясь к ее посещению, тарелку с нарезанными дольками лимона, присыпанного сахаром, бутерброды с маслом и козьим сыром. С легкостью бармена она налила немного коньяка в фужер, легким движением руки покружила содержимое, внимательно рассматривая следы, оставленные на внутренних стенках фужера одновременно втягивая ноздрями аромат коньяка, как дегустатор в крымских винных подвалах, и торжественно произнесла:

— Ну, подруга, будем жить! За тебя! — Она произнесла это с таким выражением и смыслом, как будто бы не Лене, а ей сделали полостную операцию, после которой у нее появилось такое сильное желание жить, верить, бежать навстречу будущему и обнимать абсолютно всех прохожих, идущих навстречу испытаниям. И неважно каким. Главное — жить...

Подруги выпили коньяк как лекарство, щурясь, охая, размахивая руками, словно отмахиваясь от резкого запаха спиртного, кусали дольки

лимона, после чего неожиданно замерли и стали внимательно вглядываться одна в другую.

— Ну что, по второй? — спросила повеселевшая Мария.

— Нет, нет, я не могу, вдруг станет плохо, — Лена, облокотившись о перила кровати, казалась мадонной, сошедшей с небес. Ее бледное лицо подчеркивало породу, всегда присутствующую в ней, серые глаза выразительно смотрели на Марию таким благородным и невинным взглядом, какими смотрят дети, когда болеют и не хотят идти в школу. Она, в этот миг ее послеоперационного состояния, была слегка осунувшейся, но такой же прекрасной, как и раньше.

— Хорошо, успокойся, давай лучше подумаем, куда после больницы отдыхать поедем, — заботливо перевела тему Мария.

— Мне к морю нельзя, — ответила Лена.

— А зачем к морю, есть Лапландия. Ты же любишь морозы? — продолжила Мария.

— Ненавижу, — ответила Леночка. — Ненавижу, ненавижу... — нарочито повторила она и продолжила: — Боже, как мне сейчас хорошо! Это, наверное, коньяк подействовал.

— Да, да, — подхватила Мария, все у нас будет хо-ро-шо... — Она подошла к Лене, помогла ей лечь на спину, прикрыла ее ноги шерстяным пледом бледно-голубого цвета. «Прямо под цвет ее глаз», — подумала про себя.

— А в это время в открытую форточку залетел кленовый лист, он закружился над кроватью, где лежала Лена, и медленно опустился на край подушки, как бы имея намерение передохнуть перед полетом в приближающуюся, но еще далекую зиму, боясь не расплескать гармонию наступившей осени в стенах палаты № 6, очищая ее от запаха лекарств и неприятных больничных ощущений. И после этого вторжения одного лишь осеннего листочка стало тихо и светло, как будто жизнь Леночки и вправду застучала сначала, с этого узорного краешка желто-оранжевого листочка, такого нежного и трепетного, как сама осенняя пора...

— Ну, как Вы... — быстро вошедший в палату доктор листал на ходу историю болезни, не поднимая голову.

— Я...я... — от неожиданности потерявшая голос почти шепотом ответила больная. В это время Мария, заканчивая чистить апельсин от кожуры,

подняла на него свой необыкновенно выразительный взгляд и застыла в этой позе...

— Ваня! — вдруг вскрикнула она, — так доктор — это ты?

— Боже мой, Маша! Я тебя сразу не узнал, давно не виделись, — ответил доктор, при этом машинально поглаживая правой рукой свою, уже успевшую кое-где поседеть шевелюру, некогда крупно вьющихся волос на голове. — А ты не изменилась, — продолжил доктор. — Как живешь?

— Нормально, уже на пенсии, столько всего было за это время, что, как говорят мои подруги, мне пора писать роман. — Она произвольно сделала несколько шагов навстречу к своему прошлому, положила руки на его плечи и, почти по-дружески, поцеловала его в небритую щеку, ощутив удар узнаваемого сквозь годы холода отчуждения, после чего подошла к кровати, на которой лежала неподвижно изумленная от неожиданной сцены Лена, и громко рассмеялась.

А в ее голове в это время мелькали картинки прошлого, ее переживания и любовь к этому человеку, которую он так и не сумел узнать. «Господи,

зачем? Зачем мне это, тем более сейчас?» — вертелось и кружилось в ее голове. Зачем он здесь, в этой больничной палате, рядом с подругой с ее болезнями и одновременно с ее ушедшей глубоко-глубоко в прошлое некогда, неразделенной любовью.

— Что ты сказал? — как бы очнувшись от своих внутренних размышлений, она попыталась перебросить мостик в сторону Ивана, уже приступившего к осмотру Ленки.

— Идет на поправку, — несколько наигранно ответил тот, опуская тунику лежащей Лены к ее коленям. — Все будет хорошо, скоро на свидание можно будет идти, — продолжил он.

В этот момент в палату вошла медсестра — девушка лет двадцати, в свежем накрахмаленном чепчике, позволяющим рассмотреть ее безупречную молодость.

— Иван Григорьевич, вас уже ждут в одиннадцатой палате, там тяжелобольной, бывший спортсмен... — произнесла она нежным голосом.

Иван Григорьевич быстро поднялся с краешка Лениной кровати, держась за полы своего халата, как бы боясь раздеться, поспешно вышел из палаты, закрыв за собой дверь, даже

не оглянувшись на Марию и не попрощавшись. «Так он делал всегда — не прощался и не возвращался», — подумала в этот момент Мария, прощая его взглядом снова покинутой женщины. А медсестра сделала Лене перевязку и также тихо выпорхнула из палаты, как доктор из Машиной судьбы.

— Маш, что это было? Ты его знаешь? Откуда? — встревожено спросила Лена.

— Мы учились вместе в медицинском училище, это было так давно, очень давно... — пытаюсь скрыть эмоции, ответила Мария. После ее слов Ленка оживилась, на ее щеках появился еле заметный румянец, а глаза наполнились необъяснимым содержанием, привлекающим к себе... Она, подтянувшись на руках, привстала, затем опустила по очереди ноги на пол, и уже готовая идти навстречу своему увлечению, неожиданно произнесла:

— Ну как, я нравлюсь ему? Как ты думаешь, я нравлюсь ему?

— Конечно, — изумленная неожиданностью такого заявления ответила Мария. — И не только нравишься, он влюблен в тебя, у вас будет продолжение, — стараясь не показывать свое настроение,

отвечала Мария. Сердце билось в ее груди словно хотело что-то сказать увлеченной Леночке, но слава Богу, что она это не видит и не слышит, она доверяет ей, своей подруге, свои восторги и переживания. Она продолжала задавать вопросы, на которые она, Мария, когда-то так и не нашла ответов.

— Мария, а каким он был в молодости? Он кому-то нравился? Он женат? У него есть дети? — лепетала Леночка, абсолютно не замечая поникшего состояния подруги. Забыв о перенесенной операции, Леночка тараторила без остановки, заставляя Марию с каждым словом изгибаться и уклоняться от ударов слов, которыми она ее засыпала, как наступившая осень оторвавшись от деревьев листьями.

— Леночка, дорогая, выздоравливай, я завтра приду, а то доктор будет недоволен тем, что я у тебя так долго сижу, хорошо? — приподнявшись со стула, неожиданно сказала Мария.

Она шла по осеннему парку, накрапывал мелкий дождь, мокрые листья цеплялись за ее мокрые туфли, как бы пытаясь удержать то, чего уже больше никогда не вернуть. «А надо ли?» — анализировала она их отношения с Иваном...

В ее памяти обновились те дни, нет минуты, секунды, когда между ними появилось необъяснимое чувство взаимного притяжения и легкомысленного безрассудства, та субстанция, которая позволяла им летать высоко-высоко, не боясь упасть.

...После лекций они не расставались, а бежали куда подальше от всех, чтобы без слов разговаривать, держаться за руки, дуть обеими щеками на сорванные Иваном весенние шары одуванчиков, которые разлетались во все стороны маленькими парашютиками, как некие послания, адресованные ко всему, на тот момент, живому и трепещущему.

Она вспомнила и о том, как Ваня купил ей мороженое, как они катались на чертовом колесе, на лошадях в аквапарке, стреляли по игрушкам в тире, пили на вылазке шампанское из горлышка... А когда она заболела и не пришла на пары, то он написал мелом на асфальте перед ее домом единственное слово, которое никогда не произносил вслух: «Люблю». Но самое главное, она так четко помнила тот момент, когда они стали самыми родными людьми во Вселенной, тогда она даже не испугалась, лишь необъяснимая

тяжесть девичьего стыда, смешанная со свежестью нового, нахлынувшего так неожиданно, чувства близости с ним, не позволяла ей открыть глаза и посмотреть на него... В той плоскости времени она видела себя счастливой и безоглядной.

А потом он после распределения уехал в другой город, и потянулись невыносимые дни ожиданий, которые со временем становились все длиннее и приглушеннее...

«Что он наделал? Неужели он любит кого-то сильнее, чем тогда меня?..» И почему она сама ничего не предпринимала, а он постепенно отдалился и впоследствии ушел из ее жизни под немые звуки ее же молчания...

Как будто бы почувствовав конец своих спонтанных размышлений, она зашагала по упавшим листьям, подставив свои плечи дождю, не видя никого вокруг, не чувствуя себя, не оглядываясь... Она шла в неизвестном направлении, непонятно куда, без зонта над головой, не боясь, что расплывутся глаза и потекут подкрашенные ресницы, что промокнет ее одежда и она заболит. Не обращая внимания на погоду, она плыла в этом одиноком корабле воспоминаний по прошлому, где было так тепло и безмятежно. Подобрал ворот своего

пальто, она бессмысленно и неловко закрывалась от ветра и, шурясь от колючих шпилек дождя, пребывала в невидимой никому эйфории воспоминаний, нахлынувших откуда то из глубины многослойной памяти теплым ветерком, гладившим ее морщины, пальцы, губы, смешиваясь с соленым потоком льющихся по лицу слез, смывающих разорванную и давно не существующую связь двоих некогда встретившихся и так бездарно улетевших в разных направлениях людей.

Она, уходя от подруги и ее очередного увлечения, бежала по уже успевшим опуститься в сумерки и почти пустынным улицам засыпающего города, роняя драгоценные камни своей никому не раскрытой жизни на ладони приближающихся сумерек...

Но, убегая от неожиданных переживаний, она знала, что Ваня был и остался навсегда ее любовью, ее трепетным началом и продолжением. Без логического завершения. Бесконечно.

«Как хорошо, что мы с Ленкой выпили коньяк, а то от такого с ума сойти можно», — подумала она, остановившись у афиши оперного театра.

ЖАЛОБА

«Придя домой с кладбища... — так начиналась жалоба отчаявшегося от всеобщего непонимания гражданина Гренкина В. П. — где я похоронил свою незабвенную супруженицу Аннушку, я обнаружил в квартире странный запах. Смотрю, отовсюду льется вода — из электрического шнура на потолке, стекая по люстре на пол, по зеркалу в ванне, стенам... Я понял, что меня залили с верхнего этажа. Ну, думаю, пойду, разберусь, кто это сделал. Поднимаюсь на третий этаж, звоню в дверь, открывает молодая интересная женщина и спрашивает меня, кто я. Я говорю, что я ее сосед с нижнего этажа, что меня кто-то заливает. Она спрашивает, как меня зовут, отвечаю, что меня зовут Витей. Тогда я спрашиваю, как ее зовут, она скромно улыбнувшись, ответила, что, если дома, то она Лена, а если на работе, то Елена Анисимовна. Говорю, что у меня все течет, а она вежливо приглашает меня в квартиру, закрывая за собой дверь. Я скромно вошел в коридор и остановился, но она пригласила меня в ванную, чтобы посмотреть, откуда заливает. Я согласился и прошел в ванную комнату, там никого не было, воды

тоже. Потом она повела меня на кухню, открыла нижний шкаф под мойкой, нагнулась и стала проверять руками стыки труб — воды не было. Я тоже нагнулся и следил за ее руками, после чего мы стали по очереди заглядывать, сидя на корточках, что там. Все краны были закрыты, следов аварии не было. После этого я попросил у Елены Анисимовны ключ для откручивания стыков труб, чтобы проверить наверняка, откуда на мою квартиру попадает вода, покрутил им возле стыков труб — ничего не лилось, везде было сухо. После этого Елена, т. е. Елена Анисимовна тоже проверяла трубы, проводя руками вверх и вниз, но ничего обнаружено не было.

Вот за этим занятием и застал нас ее муж, наверное, пришел с работы. «Кто это? — спросил он не понятно кого, — Что вы делаете?» После чего он как зверь набросился на Елену, т. е. Елену Анисимовну. Она не успела даже ответить, т. к. я поднялся с колен во весь рост, и, держа в руке, поднятой вверх, большой гаечный ключ, который мне дала хозяйка, почему-то закричал: «Я жилец этого дома. А ты... Вы кто?» — «А я тоже здесь живу, я муж, если вы до сих пор этого не поняли», — кричал он. «Ах, Вы муж?! — продолжал я, — почему же у ва-ас, муж, краны не работают, течет

отовсюду?» — «Что течет?», — возмутился муж. «Все, у меня вся квартира залита с вашей стороны», — продолжал объяснять я. После чего, поднявшаяся с колен жена, вмешалась в наш разговор и тоже уже на повышенных тонах стала объяснять мне в присутствии своего мужа, что никакой воды нет, что мы со мною это уже проверили. Тогда я пытался объяснить уже обоим, что у меня умерла жена, а в квартире потоп, повел их к себе, где под моей дверью уже стояли слесари из ЖЕКа, которых, как они объяснили, вызвали соседи, живущие подо мной, которых якобы я затопил. Они удостоверились, что я не заливал никого, но акт составлять отказались. Пошли перекрывать трубу в доме.

После всех этих разборок я очень устал, прилег отдохнуть и проспал до утра в мокрой квартире. Проснувшись утром, попив чайку с хлебом, думаю, дай-ка я проверю, как отошли от стен обои после залива. Поставил правую ногу на табуретку, только стал заносить левую... и ушел в небытие. Очнувшись, я понял, что лежу на полу один среди промокшего насквозь ковра и думаю: «Неужели это происходит со мной, как с моей незабвенной Аннушкой?..»

Я встал и снова пошел к соседям, которые наверняка меня залили и скрыли это, но они не открывали, отсыпались, наверное. Подождав у двери и прислушавшись, я снова вернулся в свою квартиру и не знал, куда обратиться за помощью.

Тогда я позвонил в исполком, где мне порекомендовали обратиться в суд на этих заливщиков. А я не знал, на кого мне обращаться: на Елену Анисимовну, ее супруга (не помню, как его зовут) или на слесарей из ЖЭКа, которые в мою квартиру даже не заходили, а может, на их начальство, которое не контролирует, куда у них бежит вода?..

С тех пор уже прошла неделя, а никто и не подумал помочь мне восстановить ремонт, соседка Елена тоже даже не поинтересовалась, как мне сейчас, а на вид культурная женщина. После этого я ходил к ней несколько раз, но двери никто не открывает, скрываются, значит.

Я обратился в суд с вопросом о заливе моей квартиры и просил взыскать ущерб, а через полгода получил судебное решение, по которому их семья, т. е. Елены и ее мужа, и ЖЭК были обязаны возместить мне ущерб, но никто мне не платит. А вчера иду домой, смотрю, на столбу висит, нет, стоит, нет, лежит, т. е. приклеено объявление

о том, что мои обидчики с 3-го этажа продают свою квартиру. Это они убегают от меня, чтобы не платить.

Так вот, прошу взыскать с виновных лиц моральный и материальный ущерб за залив моей квартиры.

Да, и еще хочу добавить, что недавно я встретил ее, эту Анисимовну, сам не знаю, как ее уже называть, и спросил, почему она не возмещает мне залив. Я подждал ее утром у подъезда, когда она бежала на работу, правда, не знаю, где ее работа. Я поздоровался и спросил, когда они будут со мною рассчитываться или делать ремонт, а она посмотрела на меня как-то подозрительно и отвернулась, продолжая идти на работу. Тогда я догнал ее, сказал, что я тот самый их сосед со 2-го этажа, что я был у них дома, когда они меня залили. А она равнодушно повернулась ко мне и, глядя прямо мне в глаза, ответила: «Ну и что? Это не повод для знакомства». А я почти бежал рядом с нею и продолжал настаивать на том, чтобы она вспомнила, кто я. Но она повернула за угол нашего дома, остановилась и резко ответила: «Виктор, или как Вас там...» — «Виктор Гренкин», — подтвердил я. «Гренкин... — продолжала она. —

Вы достали меня своими претензиями, оставьте меня в покое, а иначе я подам на Вас в суд».

После этих слов я чуть не захлебнулся от обиды. На меня в суд за мою же квартиру! Вот это Елена Анисимовна! А еще красиво одевается. Неужели она меня забыла? Мы же с нею так любезно познакомились, и она мне тогда понравилась. Может, это ее муж настраивает против меня? После таких слов я остановился, отдышался, купил водички, чтобы успокоиться и промочить пересохшие губы.

А на следующий день я пошел в суд, думал, что ее там встречу, но она не пришла.

Сейчас я понял, что никто не желает делать ремонт, в квартире бардак, а я пенсионер и денег не имею. Потому и решил обратиться к вам за помощью. Понимаете, средства на ремонт квартиры я бы насобираю, но надо заказать Аннушке памятник, а он по теперешним временам дорого стоит. На данный момент я проживаю один, коммунальные платежи плачу аккуратно. Я не пью, не курю и в свои 75 лет чувствую себя бодро, на что даже обратили внимание мои соседи с 3-го этажа, которые, как я слышал, продают свою квартиру. Может быть, после этого со мною рассчитаются.

На основании изложенного, прошу убедительно разобраться с семьей Анисимовны и другими виновными в том, что я потерпел от их залива, о чем сообщить мне по моему адресу.

С уважением, В. Гренкин».

Перечитав жалобу, ее автор Виктор Гренкин свернул бумажный листок вчетверо и сунул в почтовый конверт, заклеив влажным языком его уголки. После чего он оделся, вышел на улицу и, пройдя несколько десятков метров, медленно опустил конверт в почтовый ящик, прикрыв левой рукой входную щель ящика откидной крышечкой, как бы благословляя свое послание на удачу.

— Ничего, там разберутся, — проговорил он, успокаивая самого себя.

...Через некоторое время он уже чинно шагал по направлению к киоску, где купил газету «Премьер», после чего опустился на скамейку, развернул еще пахнущие свежей краской страницы и неожиданно замер. Неожиданная мысль пронзила сознание. «Господи! — чуть ли не вскрикнув, произнес он. — Что я наделал? Я же не написал на конверте свой обратный адрес».

Подавленный своей нерасторопностью, он вернулся домой в свою осиротевшую и ставшую

с некоторых пор чужой, во всех смыслах этого слова квартиру, опустил в старое, прикрытое плюшевым ковриком кресло, и судорожно цепляясь за его поручни, как бы ища опору, горько заплакал, как плачут дети, не нашедшие понимания среди взрослого общества. «Аннушка, моя Аннушка... — доносилось откуда-то из глубины его одинокой и никем не понятой души. — Как мне достучаться до них?»

Но его никто не слышал. Лишь пронизывающий насквозь холод промокших стен придавал этой ситуации еще более тревожный оттенок. Одиночество цепко держало его в своих объятиях, которые нежными не назовешь. Как отчаянная зверушка пытается любой ценой вырваться на свободу, так Виктор Гренкин все это время, затеяв тяжбу с соседями, оказывается, боролся с собственным одиночеством. Неожиданные мысли приходили в голову. Правильно ли они с Аннушкой поступали, когда уединились и перестали общаться с друзьями? Почему дети так поспешно покидали родительское гнездо и сейчас не очень жаждут навещать его? Им с Аннушкой было хорошо вдвоем. Но Аннушки нет, и мир вокруг стал другим... Виктор с ужасом обнаружил,

что соседка Лена, которая грозитя судом, на самом деле ему очень нужна, потому что он оказался в поле ее внимания. Внимания... Он вдруг начал вспоминать друзей молодости, с кем бы мог поговорить, и... даже имена память стерла напрочь.

«Аннушка... Аннушка», — стучали стрелками в такт человеческой безысходности напольные часы.

ИСК

Дождь... дождь... бесконечный дождь...

Кажется, что город утонул в облаке серого, густого тумана, похожего на огромное существо, состоящее из множества мокрых частиц, давящих на восприятие действительности и реальность ощущений.

Сегодня я проснулась на удивление рано. Не спится... В голове, как и во всем остальном, нет порядка. Мысли перекрывают одна другую, похожие на волны, то приближающиеся, то откатывающиеся вглубь моря, тянущего их назад, как пылесос втягивает в себя пыль. Да, сегодня я непременно оставлю все дела и напишу исковое заявление. Иск, выстраданный в моей душе и сознании, созревший, как осеннее яблоко в саду, иск о том, как распалась наша семья, что я еще не совсем сошла с ума, понимаю значение своих действий и возможность руководить ими.

Поверьте, я бы никогда не пошла в суд, зная, что, во-первых, это долго, а во — вторых, дорого во всех смыслах, но как получить свободу от брака? Да, настоящего брака без решения суда. Часто думая о нем, моем супруге, я и не догадывалась,

насколько далеко зашло мое недоверие к нему, к его растерянной среди других женщин любви, к его лживому сексу и, главное, к поведению в семье. Он напоминает разведчика, живущего по заданию со мной, а на самом деле постоянно о чем-то или о ком-то думающем, несобранном и всегда занятым для меня.

Да, браки заключаются на небесах, но почему развод разрешается на земле, и почему я являюсь его инициатором. А может быть, не я, а мы, нет, может быть, он... Совсем запуталась. Что я буду говорить суду, как выглядеть перед ним, еще не отпустившим меня до конца так называемым мужем. Главное, не смотреть в его глаза и не расплакаться при всех.

Где бумага, где белый лист бумаги? Да, я была в белом, когда мы расписывались, и не знала еще, сколько всевозможных цветов и оттенков преподнесет мне наша совместная жизнь. Ищу на книжной полке, в сумке, становлюсь на колени и заглядываю под стол. Вижу упавшую когда-то заколку для волос, поднимаю и люблюсь черным перламутром, блестящим, праздничным, чистым.

Эту заколку мне когда-то, очень давно, подарила моя подруга. Металлические перемычки

сломаны, на внешней стороне нет двух голубых камней, вернее стекляшек. И зачем только она мне подарила именно такую заколку? Что за безвкусица. Вернее, что за жадность? Да, в этом она вся. Помню, как она гладила в машине его руки. А может быть, у них что-то и было. Да какая теперь разница. Я никогда не носила такие заколки и не дарила подобного своим друзьям. Держу в руке этот «шедевр» бижутерии и не могу понять, почему со мною так поступают люди из моего окружения. Почему дарят вещи, похожие на них, а не на меня. Почему им все равно, понравится мне это или нет, почему такое безразличие и безучастность к моим ощущениям. Ладно, черт с нею, с этой заколкой, у меня нет времени на всякие безделушки и воспоминания о них. Надо жить дальше, идти в суд, где рассказать, почему не сложились наши с супругом семейные отношения, почему у нас нет детей, почему он изменяет мне и спит с другими женщинами, а не со мной...

Нет, не буду говорить, что он не спит со мной, это слишком личное. Зачем ему и суду знать, что это мне небезразлично. В конце концов, это я не хочу с ним, с этим почему-то так неожиданно и внезапно ставшим для меня холодным

и чужим, а главное, не прогнозировано враждебным мужчиной. Вчера видела его во сне — большим, расплывшимся в объеме, молчавшим и проходившим мимо меня и моего, нашего дома. Вот каков! Он даже во сне молчит, как разведчик. Интересно, к чему этот сон? Не знаю. Может быть, влияние просмотренной мною недавно телепередачи о битве экстрасенсов и их умении определять истину и даже выявлять убийц.

Вот пусть суд и определяет, какой убийца мой так называемый муж, который, как будто бы ничего внешне не предпринимая, однажды убил меня. Нет, не физически, а хуже — морально. Да, убийца, и я до сих пор не понимаю, что же со мною произошло, что наступило после того, как его фигура, оставив шлейф ненавистного мне, до брака, дезодоранта, скрылась в проеме двери, оставив навсегда фантом некогда любимого мною человека.

Не знаю, ничего не знаю... Как жить дальше? Может, начать лечить раны брошенной, нет, оставленной женщины методом замены образа и партнера? Но как?

Одна моя знакомая завела себе любовника, который говорил ей о любви и одновременно тянул из ее кошелька деньги, а по вечерам приглашал

погулять, при этом не отказывался выпить кофе или коньяк за ее счет, не легализируя наличие в его кармане денег из ее же кошелька.

Нет, у меня не так. Я так не могу... Разве можно стереть память о своих потаенных переживаниях, упертой гордости, нежелании расстаться, поклясться и попросить вернуться назад. Никогда! Не хочу, чтобы он снова зашел, не снимая обувь, в мои тайны, в мою душу, и без всяких обязательств использовал мои женские слабости, чтобы потом с равнодушным видом и как ни в чем не бывало перекинуться к очередной жертве. Боже сохрани! Пусть уходит. Он еще узнает, он еще не раз вспомнит обо мне и пожалеет о допущенной ошибке. Ошибке? Какая же я глупая! О каких ошибках можно сейчас вспоминать. Может быть, ничего и не было. Но почему так больно? Говорят, что больно не тогда, когда плачут, а когда нет слез. Что-то подобное происходит сейчас со мной. Нет слез, вокруг пустыня, а я слепа, слепа не от солнца, а отчего-то большего, темного и холодного, навалившегося на меня и не отступающего ни на минуту. Парализованы мои эмоции, вербальное общение, восприятие окружающих людей, предметов, обстановки.

Вот об этом я и скажу судье. Нет, не скажу. Зачем всем знать, как я раздавлена и как несчастна. Все, хватит. Чего я сижу под столом, обняв его деревянную ножку, как колонну у входа в здание суда. И зачем мне бумага? Составлю текст на компьютере. Пусть он знает, что я грамотна, продвинута, самодостаточна. В конце концов приду в суд со своим ноутбуком, открою крышку при всех и буду с загадочным видом безмерно занятой женщины, ни на кого не обращая внимания, зачитывать вслух свои претензии к уже далекому мне человеку — ответчику по делу и по моему иску. А если он придет с другой женщиной? Этот момент надо продумать, потому что от него всего можно ожидать. Надо позвонить Наташке в салон и записаться на прическу. Надену недавно купленные на Московском рынке замшевые туфли с лаковыми бантиками и кардиган голубого цвета, это меня освежит.

Да, я буду держаться достойно и красиво, чтобы судья, если это мужчина, обратил на меня внимание как на женщину и осудил моего бывшего за допущенную потерю в моем лице. А может, судья и сам ловелас, крутит роман

со своей секретаршей или такой же, как я, истисцей, втайне от своей жены и детей. А если судья женщина, то она может подыграть моему мужу, он умеет обаять женщин. Ну и пусть судья женщина, возможно, сама брошена таким же, как и он, а потому поймет меня и поддержит. А впрочем, судьи, наверное, давно утратили эмоции или спрятали их далеко-далеко, чтобы такие, как я, видели в их образе абсолютно представительские черты украинской Фемиды.

Кстати, как только подам иск и узнаю, кто судья, позвоню своей знакомой из прокуратуры, пусть переговорит. А то мой дурак, чтобы насолить мне, еще визитку даст судье, чтобы меня перемкнуть и потянуть процесс. Нет, не даст. Он же жадный эгоист, у которого на других никогда нет денег. Господи! Да кто с ним свяжется. С эти потаенным маньяком, охотником за женской доверчивостью. И как можно с ним жить, когда он уже давно живет в другой постели и с другой душой. Какой подонок! Ладно, я расскажу суду, какой он. Пусть все знают и не обжигаются. А может, не надо мелочиться, кому нужны мои страдания и мой дефицит на уже невозможные слезы? Кому?

Главное, чтобы их не видел и даже не догадывался он, потому что я никогда не плачу ни с ним, ни наедине, а тем более задним числом.

Что за погода сегодня... Лучше бы пошел сильный дождь, чтобы смыть все это с моей души. Но как умыться так, чтобы растворить в себе камень, казавшийся бриллиантом изначально и булыжником теперь?

Нет плохой погоде. Я эту погоду и все остальное оставлю в суде, выйдя оттуда чистой, свободной и непобедимой.

Как быстро бежит время! Прошло несколько часов, и сороки за окном закружились над голым без листьев орехом, который осенью кажется совсем открытым для зимних холодов, снегов и морозов. Да, голым, как я сейчас. Потому что ничего уже не имею, а то, что имею, не составляет на данный момент никакой ценности. Его уже нет. И почему я связалась с пороком в его лице, человеком, не знающим границ между страстью и безумством, безрассудством и, наконец, безразличием? Почему так отрелась от внешнего и внутреннего мира, что забыла о гордости. Неужели это и есть женское счастье? А разве счастье делится на родовые признаки — женское, мужское или где-то среднее?

И зачем мне это счастье... Надо выпить чашку кофе и писать исковое заявление.

В компьютере куча образцов таких исков. Но мой иск, думаю, будет образцово-показательным. Вчера прочла один из них. Умирала со смеху. Истец, то есть муж истицы, требовал от нее оставить ему сына, которому нет еще и года. Вот это отец. Какой безумец! Что он этим хотел доказать и как можно забрать у нормальной матери ребенка. По-моему, это циничная выходка, направленная на преследование личных эгоистичных интересов мужчины, играющего в опасную для ребенка и его матери игру.

А у нас нет детей. Подчинившись чувствам и эмоциям, я так и не поняла, почему он не хотел детей. Конечно, у него же есть дочь от первого брака, с которой он проводит свой отпуск. А может, это не она? Конечно, он многое таил от меня, а я закрывалась и сознательно не хотела знать правду.

Ну что? Получила? А теперь даже слез нет... Вот так!

А что это за пятно на оконном стекле? Да нет, это коричневый лист прилип к стеклу, как будто подглядывая за мной и моим невидимым глазу

миром, в котором такая безысходность и печаль, что хватит на всех оставленных и преданных женщин нашего города. Как мы теперь будем жить, с отдельными выключателями и новогодними свечами, с разрезанным надвое пространством, не пересекаясь. Навсегда...

Что за звуки? Кажется, звонок телефона... Хотя бы он... Нет, я не буду с ним говорить... Хотя бы он... «Что? — отвечаю. — Придешь сегодня? Зачем? Не звони мне и не приходи... Почему? Я не одна!» Господи, что я наделала? Может, надо было поговорить, встретиться, объясниться? А теперь конец, и ноющая тяжесть немного выше желудка... Он больше мне не позвонит. И зачем он позвонил? Какой аферист! Как будто чувствует, что я с ним развожусь. Ищу импульсивно точку опоры, падаю от безысходности на стоящий рядом стул и пытаюсь вспомнить самое плохое, что было у меня с мужем, как мы однажды осенью попали под холодный дождь по пути на дачу, как он потом отпаивал меня травяным чаем. И не было у нас тогда дорогой машины, частного особняка, множества друзей. Но было почему-то так тепло... Хотя сейчас надо думать о плохом... Нет, не получается, лишь яркие картинки

его образа плывут и плывут перед глазами и от этого становится еще больнее, потому что ненависть к мужчине, на мой взгляд, имеет обратную сторону.

Что же мне делать? Надо писать! Нет... оставлю на завтра этот иск, зачем за двоих стараться?..

КЛЕТКА

— Прошу всех встать, — достаточно громко произнес секретарь. — Суд идет.

В зал судебного заседания входит судья — женщина неопределенного возраста, с подобранными и тонированными под платину волосами, одетая в мантию и судейским знаком на груди, прижимая к себе уголовное дело. За нею, как вода после открытия шлюзов, влились в зал судебного заседания граждане — люди разного происхождения и статуса, безмолвно толкаясь и распределяясь по скамейкам, как в театре.

Идет открытый судебный процесс, так похожий на сегодняшний день и лицами, и движениями, и каким-то необъяснимым духом современности. Судья, медленно опустившись в кресло, предложила вошедшим присесть, после чего объявила о начале судебного заседания, огласив присутствующим какое дело будет слушаться.

В этот момент наступила тишина, как перед боем, и колесо судебного процесса начало постепенно набирать обороты, подчиняя инертности передаваемые друг другу эмоции, связанные с переживаниями и осуждениями обнаженных

судом пороков. И предугадать, что же будет дальше, никто не знает.

Судья открыла материалы уголовного дела и приступила к проверке лиц, явившихся в судебное заседание. При этом она устремила взгляд на подсудимого — молодого человека лет двадцати пяти, уже успевшего так себя заездить, что с первого взгляда появляется неумолимое желание его отмыть, отстирать, откормить, чтобы его внешний вид не оказывал влияние на его психологический портрет. Далее, после оглашения обвинительного заключения и обращаясь к подсудимому, судья строго оглядывает его с ног до головы, как бы предвещая обстоятельность и законность предстоящего решения суда, и, наконец, задает ему вопрос:

— Вы признаете себя виновным?

У кого-то из присутствующих в зале упал на пол мобильный телефон, издав звук, разрушивший тишину зала.

— Да, Ваша честь, признаю.

— В полном объеме? — продолжала судья.

— Да, признаю полностью.

В этот момент в зале что-то зашевелилось, волна, оживления покатилась в направлении

постамент, где сидела судья, и как бы оттолкнувшись о неприступность закона, отлетела в сторону металлического ограждения клетки, внутри которой стоял подсудимый Ключко Игорь Сергеевич, держась за прутья ограждения, как будто бы, именно эта поза, могла помочь избавиться от неожиданного заточения и процессуального статуса подсудимого. Помочь выпорхнуть, преодолеть эти давящие отовсюду несколько метров внезапного заключения, чтобы потом... чтобы потом, когда все сложится нормально, не сидеть в этой клетке перед судом и людьми.

Судебный процесс начался, он состоял из вопросов и ответов, которые возникали на первый взгляд, спонтанно, как будто вытягивая тянущимися нитями из памяти события, которые он совсем не помнил из-за передозировки. Но надо было ответить, ведь он признал себя виновным. А открутиться нельзя— позади следователь и прокурор, которые, уж точно, восстановят его память.

— Что вы сказали? — продолжила судья.

— Я познакомился с Димкой на улице, выпили, закурили, пошли в ночной клуб, где встретили Димкиного друга с его девушкой Миррой.

— Как?

— С Миррой, так звали его девушку.

— А дальше?

— А потом Мирра пригласила нас домой, угостила «травой», а потом я пошел домой, по ошибке взяв ее сумочку, которая стояла на столе. Утром проснулся, на полу у кровати что-то валялось, приоткрылся, то была женская сумка небольшого размера, серого цвета с большой вышивкой красного цвета недалеко от застежки, точно такую сумку я когда-то уже видел и тоже в спальне, в какой-то спальне...

После этого подсудимый замолчал, как бы поперхнувшись воздухом, и торопливо продолжил:

— Вначале я не понял, что это, а потом меня как током шарахнуло — это же сумка Мирры, то есть той девушки, ну, подруги моего друга Димы. Я быстро осмотрел содержимое сумки — там была губная помада, какие-то записки, визитки из салона красоты и расческа с остатками темно-русых волос на шипах. «Вот дурак, что я наделал?» — подумал я... — После этих слов он обратился к потерпевшей:

— Ну, скажи, Мирра, там же не было денег?

Застывшая в позе невинной овечки, Мирра Котельская молчала.

— Подсудимый! — живо одернула судья. — Обращайтесь к суду. Я вас слушаю.

— Простите, Ваша часть, но, она же знает, что в сумке денег не было, — отрезвляющим тоном ответил подсудимый.

А дальше был допрос потерпевшей, так и не вспомнившей, как у нее в тот вечер украли деньги в сумме двести гривен.

— Вы видели, как подсудимый похищал сумку? — продолжала судья.

— Нет, я была в другой комнате, сумка висела на вешалке в прихожей, — продолжала Мирра.

— А кто провожал подсудимого из квартиры?

— Никто, он ушел сам утром.

— А откуда вы это знаете?

— Мне мой парень сказал, что он ушел утром.

— Хорошо, зачем тогда вы пригласили в дом незнакомых людей? — строгим тоном продолжала задавать вопросы судья.

— Это не я, а Никита мой.

— Вы наркоманка?

— Нет, иногда курю.

— А деньги откуда у вас?

— Никита дал на колготки.

— Подсудимого, значит, никогда раньше не встречали?

— Встречала на дискотеке, мы с ним танцевали и целовались, когда выходили покурить, но это было до Никиты.

— Так, значит, раньше вы были знакомы с подсудимым?

— Конечно, нет, я даже не знала, как его зовут.

— Подсудимый, потерпевшая говорит правду?

— обратившись в сторону клетки, произнесла судья.

— Нет, она все придумала, я всего один раз до этого был у нее дома, тогда она была пьяна и попросила меня остаться. Я остался, надеясь, что завтра все это продолжится. Но утром она сказала, что ей надо быть на занятиях, вытолкала меня из квартиры, при этом металась по комнатам, как подбитая, вернее подпитая птица, не глядя в мою сторону. С тех пор мы не виделись до того вечера, когда она была уже с этим недоделанным Никитой. И что она в нем нашла?

— Подсудимый, вы же признали себя виновным, а теперь рассказываете суду свои истории в несколько другой интерпретации.

— Но я же не хотел воровать, может, я нашел сумку в квартире, не знаю...

Дальше суд продолжал допрашивать потерпевшую, свидетелей, судья задавала перекрестные вопросы, а в конце заседания предоставила слово подсудимому в судебных прениях, который не понял, что от него хотят, мямлил какие-то неразборчивые слова, все время смотрел в сторону потерпевшей, не понимая, что надо говорить. Зато в последнем слове он вдруг обнаружил красноречие, каялся и обещал, что такое больше никогда не повторится, и что он не будет ходить в гости к девушкам.

Когда оглашался приговор, он стоял ровно, совсем безучастно смотрел на меняющие свою конфигурацию губы судьи, а в голове стоял такой тупой шум, что решение Фемиды по сравнению с ним казалось несколько отделенным и недоступным до восприятия. Как будто не его судьба решалась именно сейчас, а наоборот — он был сторонним наблюдателем этого действия. После наступившего оцепенения тело его резко наклонилось вперед, качнулось, после чего он почувствовал себя пьяным, хотя не употреблял спиртное и не курил более шести месяцев, находясь

под стражей в следственном изоляторе. Он снова резко вцепился обеими руками за металлические прутья ограждения — решетки, отделившей его от социума одним судебным процессом, как за спасательный круг, после чего его косточки на пальцах побелели. «Как три года лишения свободы? За что?» Перед его потухшим взглядом внезапно пронеслись почему-то его школьные годы. Литературный кружок, куда он записался сам, без решения мамы, где его встречал всегда с улыбкой рассеянный педагог-преподаватель языка и литературы. Гусев Евгений Борисович. Уникальная личность. Однажды, когда он показал ему свой первый набросок стихов, тот внимательно посмотрел, прищурился, как бы не видя букв, после чего направил свой мудрый взгляд человека, наделенного скромностью и умом, спокойно заметил:

— Пишите. В этом что-то есть.

Тогда он и подумать не мог, что он, одаренный природой ученик, имеющий неперемные способности не только в математике, но и в литературе, поступит на филологический факультет университета, а потом, после этого нелепого задержания по подозрению в краже, находясь в камере следственного изолятора, напишет такие строки:

Крупными буквами пишется жизнь
Мелкими — крепко за стены держись..
Беглыми — быстро спасайся от ветра
А неразборчиво — клеточек метры...

— Подсудимый, вам понятна суть приговора? — спросила судья.

— Что? — взглянув вперед, переспросил он.

— Вам понятен приговор и сроки его обжалования — повторила судья.

— Нет, нет, я не понимаю, почему меня лишили свободы. За что? Меня подставили, неужели вы это не поняли? — почти закричал он.

— Все свои сомнения вы имеете право изложить в апелляционной жалобе. Заседание окончено, — проговорила судья, обрывая последнюю надежду подсудимого на свободу.

После этого судья, как статуя, прошла мимо него, стоящего в клетке, не оставив никакой надежды на возвращение в прежний мир беззаботной и безответственной жизни. А в воздухе растворился тонкий запах, смешанный с амбре ее дорогой косметики и холодом удаляющейся из зала черной мантии.

Вот и все. Его сердце забилося в унисон стучащим молоткам в висках, пойманной птицей

в клетке. «Вот и конец, конец... — бежало волной по его телу. Не выслушали, не разобрались. И зачем он выгораживал Никиту? Он же теперь не будет отбывать за него наказание. Дурак я, дурак, и был им всегда». Его ноги занемели от напряжения, в горле пересохло, язык судорожно касался его щек и казался неимоверно большим, мешающим дышать и перекрывающим его сознание. Вот что такое приговор, не так он представлял суд, не так понимал свое окружение. Боже, что теперь будет с его мамой, она же не переживет этого. И на суд не пришла, заболела, наверное.

Конвоиры хладнокровно подошли к нему, надели наручники.

В камере он ни с кем не разговаривал, смотрел на осколок неба в окне, не понимая еще до конца, что же с ним произошло, но ощущение клетки преследовало его, приглушая надежду на освобождение. После немого пребывания в одной и той же позе он завернулся в одеяло и ушел далеко-далеко вглубь себя, в воспоминания двора, где вырос, Галку со второго подъезда, которая всегда нравилась ему, а он, наверное, ей... Пробегая мыслями по зарослям своих воспоминаний,

он оказался мысленно в их с мамой квартире, где вместе с ними жил в клетке желто-зеленый попугай Сеня. Почему жил, он и сейчас выкрикивает: «Хочу есть, хочу есть!» Интересно, как он находится в постоянной клетке, при этом радуется каждому утру и новым лучикам взошедшего солнца? Неужели ему не хочется наружу, где можно лететь куда угодно. Бедный Сеня. Как он теперь? Ведь его пространство состоит из нескольких десятков воздушных сантиметров, а он поет по утрам и призывает к общению. Если бы он мог подумать, что сам окажется в клетке, как Сеня, вне свободы. В клетке камеры и клетке собственной, метущейся по краям внутреннего пространства его уже успевшей уколоться о прутья еще только начинающейся жизни. Если бы только.

Мама придет, я ей все объясню, я не виноват, это Мирра не сказала правду в суде, а его друзья спрятались от правосудия, как муравьи от дождя, с такой легкостью предав их отношения, в которые он вкладывал по-своему чистый смысл, далекий от предательства и лжи. «Зачем они так со мной? — продолжал он свои размышления. — Что я им сделал? За что? Правду мама говорила, чтобы он был поразборчивей со своими друзьями. Вот и разобрался — угодил в тюрьму.

И этот первый опыт близости с Миррой. А может быть, со всем миром?» — бился пульс в его голове.

Вот и клетка, в которую он шагнул добровольно, а она захлопнулась.

Следующим утром он отказался от еды.

«Вот бы сейчас уколиться, хотя бы один кубик», — подумал он, нервно перебирая воротник своей рубашки, пытаясь уйти от всех и себя одновременно, раствориться, вернуться туда, где есть свобода, где никто никого не учит, не осуждает, где налицо полный выбор поведения и уединения. А потом? Зачем думать, что будет потом?

«Но это же клетка», — кто-то ответил ему изнутри. Это же зависимость, стена, через которую пройти невозможно.

«Ну и что? — спорил он сам с собой, — там же нет суда и виновных, но там есть осуждающая бесконечность», — что-то вторило из глубины его сознания. Бесконечность, ведущая к ограждению себя от себя и окружающих.

«Я попал в западню, я не знаю, что мне делать и как выбраться из нее. Я так хочу уколиться!..» — снова нахлынуло на него.

Он вспомнил рассказ бывшего наркомана, живущего этажом выше, который как-то открыл

ему некоторые моменты своей изуродованной биографии о том, что наркотики бросить можно, все зависит от воли человека, но это надо сделать тогда, когда они не отбросили тебя от реальности и не сделали твое тело и душу послушным инструментом в чьих-то невидимых руках, имеющих зависимость.

«Не знаю и не хочу знать...», — он нервно перебирал точки и запятые, о которые спотыкался, не ощущая ссадин и ушибов ни на теле, ни на своей душе, он метался внутри себя, не желая, чтобы кто-либо из его теперешнего камерного окружения заметил его муки, подавленность и наступившую слабость. Он так хотел вырваться из этого замкнутого пространства, но перед глазами стояла эта непреодолимая судейская клетка, жужжащий шорох зала судебного заседания и ударивший по его жизни колокол обвинения, звуки которого рассыпались по всем клеточкам его тела, переполняя их чем-то инородным и чужим до леденящей степени неприятия, вытесняя положительные гены легкомысленного до этого момента образа его жизни.

«Интересно, — продолжал думать он. В Интернете пишут, что организм человека построен

на клеточном уровне. Все клетки имеют свои границы. Тогда почему мозг не воспринимает замкнутое пространство тела? Значит, не тело рвется на свободу, а что-то более тонкое и необъяснимое, живущее в нем и составляющее его суть? А куда я иду? Что пропустил? Кого потерял и что? Нет, не потерял, я еще вернусь и докажу этим предателям, что смогу разорвать цепи своих недавних ошибок. Они узнают, как я могу скрывать свои синяки и ссадины, потому что именно благодаря этому я непременно узнаю цену очищению, не от подлости, а от самого себя, вступившего в полосу ошибок и внешнего непонимания.

Потянулись однотонные дни, похожие на оборванные в клочья бумажные афиши. Их неинтересность и тупость сменялась бесконечными мыслями, которые как изогнутая спираль пронизывали его тело, пытаясь определить степень отчаяния от наступившего безысходства, поселившегося в нем после суда. Он понимал, что находился в состоянии внутреннего наркоза, при котором не было ощущений, а лишь редкие вспышки памяти возвращали его все в те же воспоминания о чем-то, о ком то.

И сквозь эти муки переживаний металась в закрытой клетке разума его потускневшая

от неожиданного укола душа, не понимая еще до конца, где она, что с нею, кому она принадлежит. Билась, чтобы выбраться из заточения еще не знавшего настоящего испытания тела молодого человека, попавшего в западню собственного изобретения.

Внезапно хлопнул тяжелый затвор двери в камеру, куда вошел совершенно бледный с глубоко впавшими глазами молодой человек лет двадцати восьми. Он молча опустил на нары и закрыл лицо руками.

«Еще один, — подумал про себя Игорь. — Кто следующий? Во всяком случае, я не один в своей паутине, здесь такие же, как я, и тоже люди, вместе легче...»

Наступил Новый год. Выпало так много снега, что дети словно маленькие мишки кувыркаются во влажном, белом веществе, подаренном небом, радуясь этому чуду природы. А вечером загорелась множеством гирлянд огромная елка, как символ перехода времени в синюю прозрачность и чистоту зимы. Словно и не было грязных осенних улиц, хмурых лиц и затянувшейся пасмурности. Все выглядело настолько торжественно и легко, что хотелось поднять полы

своего длинного пальто и взлететь высоко — высоко над городом, где так много света и праздника, не знающего границ.

А в закрытых стенах исправительного учреждения, где отбывает наказание Игорь, время имеет свои измерения, огражденные от ветра забываемой свободы, ветра, который постоянно уносит в сторону тот час, когда можно будет беспрепятственно распоряжаться своими днями, нет, драгоценными минутами.

Он просмотрел редкие письма — «оттуда», вспоминая их тексты — это же мамы письма... Она единственная, кто не оставил его, не отказался от порочного сына. Только она помнит и принимает его таким. Она ждет его домой, под свое крыло, как ждут птицы своих неразумных птенцов.

Игорь понемногу смирился со своим положением, как бы приостановив прорыв чувств и эмоций, не пытаясь нырять в ограниченные дали своего саморазрушения, где на данный момент еле теплился огонек его некогда пылавшего голубым пламенем мира, где не было места рассуждениям о правильности поведения и о возможных неожиданных поворотах судьбы с ее непредвиденными последствиями.

Клетка... Эта невыносимая клетка давила, закрывала выходы во все пространства и направления. Так он мог часами лежать почти неподвижно, ни с кем не общаясь, а перед глазами напротив зияла квадратная дыра окна, разделенные на квадратики-клеточки металлической арматурой.

Пошли третьи сутки его безысходного путешествия по разным маршрутам воспоминаний. Отчаянье сменялось злостью, бессилие — глубокими вздохами, похожими на стонущее дерево, когда ему бывает больно от разрушающего ветра. И под этот невыносимый шум стенаний и всплесков негодования он, наконец, смог отключиться в нахлынувшем, как и его горе, сне, где он шел по заснеженной улице... Вокруг ни души... Только шорох осыпающихся с неба снежинок напоминал нечто, похожее на музыку, которую он раньше никогда не слышал, но звуки, которые так проникали в него сквозь одежду, впиваясь пиявками странных нот в кожу, заставляя ежиться и извиваться, меняя положение тела. Внезапно он оказался в заснеженном лесу, где было так много снега и так пустынно. Он шел, не зная куда, по снежному песку, погружаясь по колени

в сыпучую массу, преодолевая препятствия и проваливаясь. Он шел, не оглядываясь, не чувствуя своих ног, и, наконец, оказался у большого дома с деревянным крыльцом, двери в который были открыты настежь, а в окнах горели свечи, обжигая стекла церковной копотью, отражение которых перекликалось с лунным светом одинокой на небе луны. И откуда-то из глубины дома доносилась все та же мелодия, без нот и направлений. Ее неуловимые звуки напоминали нечто таинственное и шелестящее, падающее и трепещущее... Что это? Кто автор? Он никогда подобного не слышал. А звуки все больше и больше подходили к его гортани, перекрывая кислород...

Он пытался войти в дом, окруженный голубоватыми сугробами, но в это время из-за деревьев, обрамляющих фасад загадочного жилища, выскочили огромные волки, которые рычали, сверкали своими раскаленными яростью хищников глазами и бежали к нему навстречу. Один из них повалил его на снег, начал рвать клыками его одежду, как бы призывая других волков к нападению, а с языка его стекали на снег ручейки теплой крови, «Вот она смерть», — отбиваясь от зверя, подумал он, Но внезапно волк остановился.

Из дома выбежала овчарка и вцепилась зубами в горло вожака стаи, брызнула кровь, окрасившая шкуру волка бурыми пятнами. А потом все смешалось — и вой, и рычание, и стон раненых, рвущих друг друга на куски зверей. Он поднялся на ноги, закрыл ладонями уши, а перед глазами метались разъяренные волки, раздирающие в клочья несчастную овчарку. И все вокруг вдруг стало красным и обмякшим, как уходящая жизнь храброго пса, защитившего его.

«Мм-аа... ма-ма!» — кричал он во сне. А волки, справившись с несчастной собакой, устало разошлись и растаяли в бликах ночи, оставив на снегу растерзанное животное. Он тихо подошел к месиву, которое некогда было собакой, чтобы рассмотреть его раны, и вдруг что-то холодное опустилось на его плечо, и вновь вернулась все та же мелодия.

— Вставай, — его разбудил сокамерник, — к тебе пришли.

— Кто?.. — просыпаясь машинально спросил он.

— Не знаю, кажется, девушка, твоя подруга.

— Нет, — ответил Игорь сквозь туман непросуждения... Нет, нет, нет у меня подруг и друзей. Клетка... Клетка... Эх ты, Мирра, зачем ты так? Его

глаза закрылись, как в обмороке, сон затягивал его обратно, в ту ужасающую сцену леса и неравного поединка волчьей стаи и его защитника.

И опять эта мелодия из того сна, она была неуловима и одновременно рядом. От нее тошнило, но невозможно было избавиться. «Куда она ведет, что обозначает? Лучше бы я не проснулся, там во сне, меня чуть не съели волки, а здесь в этом начавшемся в камере дне, душно и невыносимо тесно, потому что не знаешь заранее, каким зверем обернется для тебя твоя судьба».

Он тяжело поднялся, подошел к двери, немного постоял, оглянулся на все то же тюремное окно и, вдруг как будто что-то оттолкнуло его назад. «Нет, — подумал он. — Нет... Туда я больше не вернусь, потому что там, на свободе, я останусь таким же несвободным от себя самого. Нет, надо драться с этим зверем — наркотической зависимостью, и я его убью».

...А там, за тюремными стенами летали снежинки, как белые птицы, и помутневший взгляд осужденного Игоря Ключко невольно ловил их, цепляясь за колючие крылья замерзшей надежды, вдыхая их неуловимый аромат, потому

что мысли, как и новогодний снег, имеют свой запах. Запах клетки — наконец понял он.

И снова эта мелодия, как и недавно написанное четверостишие:

Крупными буквами пишется жизнь.
Мелкими — крепко за стены держись.
Беглыми — быстро спасайся от ветра.
А неразборчиво — клеточек метры.

СПАМ НА ПОРТАЛЕ

*Циник — это человек, который
всему знает цену и ничего не ценит.*

Оскар Уайльд

— У меня совершенно отсутствует иммунитет на противостояние подлости и цинизму, — разводя руки по сторонам, говорил студент университета Илья своему другу по учебе Станиславу, при этом, невольно оглянувшись и провожая неожиданным взглядом удаляющуюся в тень еще не совсем проснувшегося города стройную фигурку девушки. — Так вот, я повторяю, что ничего не могу с собою поделать, когда сталкиваюсь с людьми, способными унижить изощренно, колко, гадко другого человека, а особенно при мне. Все это я воспринимаю на свой счет и страдаю от этого.

— Да, — ответил Станислав, — я тоже не выношу людей, способных унижать других таким способом. Это же так мелко и недостойно.

Они шли на лекцию от станции метро по направлению к университету, живо и непринужденно обсуждая проблему общения людей

между собой, не замечая, что направление их движения уже давно потеряло смысл, забыв о том, что лекция уже давно началась. Легкий летний ветерок обтекаемым потоком касался их еще совсем юных лиц, тормозил волосы, наполняя дыхание утренней свежестью.

— Стас, — окликнул Илья своего друга. — А почему ты так редко бываешь откровенным со мной? Вот я, например, сегодня признался тебе, что имею слабость и не могу смириться со своим внутренним состоянием, когда какая-то сволочь начинает цинично унижать человека, который слабее его и который не может ответить тем же. Особенно женщину. У меня в этот момент наступает стопор, понимаешь, я как связанный по рукам и ногам, все понимаю, но сделать ничего не могу. Что это? Не могу противостоять в этот момент такому. Как будто бы у подлости есть гипнотические качества. Я иногда думаю, что циники обладают гипнозом.

— Да, я с тобой согласен, у меня тоже так, — ответил Стас. — Только проходит некоторое время, и после этого я начинаю понимать, что надо отвечать подлецу, но как и чем? Опускаться до его уровня не хочу, а пропустить такое мимо

как-то не по-мужски. А что тебя, собственно, мучает?

Илья, немного подумав, ответил:

— Недавно я оказался в неоднозначной ситуации, в одной неприятной для меня истории. Я тогда не знал, что это так глубоко меня достанет, заставит пересмотреть некоторые моменты моей жизни, задуматься о поступках, и вообще, о моем отношении к женщинам. Так вот, я был на дискотеке со своей одноклассницей Катькой Ивановой, ты ее не знаешь, которая познакомила меня со своей подругой, имя которой меня удивило и даже насторожило. Представляешь, ее зовут Агриппина. И это в наше время, ну и имечко, подумал я, сейчас девушек так никто не называет.

— Какое имя? — переспросил Стас.

— Агриппина ее зовут, Агриппина. Скажи, прикольно, назвали как куклу или бабушку из прошлого столетия? Да и сама Агриппина была какая-то неземная — смотрела мимо меня при знакомстве, отводя глаза в сторону, как будто меня и не было вовсе, часто уединялась, чтобы по мобильному телефону поговорить с кем-то, не улыбалась. Ну, мы веселились с Катькой, как и раньше, танцевали, пили коктейли, а Агриппина

сначала сидела со стаканом в руке и смотрела на нас, как на инопланетян, но по мере расслабления тоже танцевала с нами, демонстрируя странные жесты и движения, напоминающие что-то восточное. Тогда я не удержался и спросил у Катюшки, зачем она привела с собой эту Агриппину? А та спокойно ответила, что она всегда такая и чтобы я не обращал на нее внимания.

— И что дальше? — заинтересованно спросил Стас.

— Гуляли мы до четырех утра, — продолжал Илья. А потом я вызвал такси и развез их по домам. К себе я попал в половине шестого утра. Не успел принять душ, чтобы отмыться от перегара ночного клуба, как раздался телефонный звонок, который казался таким громким среди тишины раннего утра, что я даже вздрогнул. И как ты думаешь, кто звонил мне по городскому телефону? Она, эта дискотечная тихоня Агриппина. На мое: «Я слушаю», она бодро заговорила: «Добрый вечер, хотя было уже утро, это я Агриппина, как дела, Катюшка, ты еще не спишь?» — «Извините, но это не Катюшка, вы ошиблись номером, это я — ваш новый знакомый Илья». А сам думаю при этом, откуда у нее мой домашний

телефон и что за странный звонок. Вроде бы она почти не пила с нами, но почему не реагирует на мой мужской голос? «Катя, — не замечая меня, продолжала Агриппина. — Ну как тебе этот твой друг, этот жлобьяра Илья, он что — дурак или импотент? — спрашивала она, нагло перебивая мои возражения о том, что я не Катя. Но она, как торпеда в полете, ничего не слышала и не замечала мое возмущение. — Как тебе он? И сама же ответила: По-моему, у него не все дома». — «Да как раз дома у меня все, а ты куда звонишь? Перезвони Кате», — почти закричал я и нажал на кнопку отключения телефона, после чего тут же, не понимая, что происходит и природу странного звонка, перезвонил Кате, надеясь, что она еще не успела уснуть. Я хотел выяснить, почему ее подруга так бесцеремонно разговаривает со мной обо мне же и не реагирует на мои возражения. Трубку сразу же взяла Катька. «Да, Агриша, я тебя слушаю», — раздался ее совершенно спокойный и ровный голос. «Я не Агриша, это Илья, ты меня слышишь?» А в ответ слышу: «Что ты говоришь, повтори, плохо слышно, перезвони», — и пошли гудки. Я перезвонил, и Катя опять стала называть меня Агришей, смеялась,

говорила, что дискотека ей не понравилась, а потом спросила меня, ну, не меня, а как будто бы Агришу: «Как ты думаешь, может быть, он не той ориентации? Голубой?» «Ты что, заболела», — закричал я в трубку. — Что ты такое говоришь, я же тебя считал своим другом». Но Катя продолжала обсуждать меня с Агришей, то есть, со мной же, не обращая никакого внимания на мои крики, возгласы и возмущения. В конце я обозвал ее уже не помню как и бросил трубку. А когда она тут же перезвонила мне на мобильный, у меня совсем крышу снесло. Я сначала хотел ее послать подальше, но передумал и отправил по СМС сообщение, в котором написал буквально несколько слов о том, что такого я от нее никогда не ожидал.

— Вот так, мой друг. Как ты думаешь, уступая дорогу встречным прохожим, спросил Илья. — Они меня разыграли или что это было? Но если это розыгрыш, тогда зачем эти многочисленные оскорбления в мой адрес?

— А ты уверен, что они тебя разыграли? — спокойно ответил Стас.

— А что же тогда? — уже взволнованно переспросил Илья.

— Нет, друг мой, это не розыгрыш, — продолжал Стас. Розыгрыш — это когда смешно, а здесь

наблюдается неприкрытая форма оскорбления тебя, меня, по большому счету всех мужчин. Они таким способом, прикрываясь телефонным расстоянием, хотели унижить тебя, упоминая о не той ориентации, называя тебя жлобом и импотентом. Они хотели продолжения банкета со всеми вытекающими отсюда последствиями, а ты, как примерный друг, развез их по домам.

— Ну и что, — продолжал Илья, — я же наоборот поступил, как истинный джентльмен.

— Оно-то так, да немного не так, — настаивал на своем Стас. — Ты поступил честно по отношению к своей подруге Катьке и ее подруге Агриппине, а они обиделись. Значит, что-то здесь не так.

— А что не так? — продолжал Илья.

— А то, что женщины не любят такого обхождения, они хотели продолжить бурный вечер, а ты их обломал, понимаешь? Женщины таких не любят, им нужна развязанность, наглость, тогда они отбиваются от нее, проявляя неприкрытую слабость, но в конце-концов получают свой кайф победительниц. А ты завел их своим присутствием и видом подающего надежды супермужчины и бросил посреди праздника, посреди их пустынных квартир с чашками кофе

по утрам и закрытыми жалюзи ночью. Что хорошего в этом? Неужели ты не понимаешь, что если ты взялся ухаживать, то должен довести этот процесс до логического завершения.

— Я не ухаживал, — возмутился Илья. Я просто танцевал, обнимал их обеих по-дружески, ну, курили вместе, что тут такого?

— А то, что с женщинами дружить нельзя, они этого не понимают, — настаивал Стас. — Да, не понимают.

— А я не понимаю, зачем меня надо было оскорблять, демонстрируя пренебрежительное отношение ко мне, в такой сценической постановке, что за воспитание, наконец? Это же подло не слышать меня, не обращать на меня никакого внимания, делать вид, что меня не существует в диалоге со мной же. Я же отвечал им мужским голосом, своим голосом.

— Вот именно, что в тот вечер, вернее, уже под утро, они не хотели слышать твой голос, они хотели продолжить общение с тобой. А ты развернулся и уехал, оставив неприкрытое любопытство за дверью ночного такси. А мог бы пригласить к себе, угостить чаем. Вот подруги и взбунтовались, скорее всего, одна завела другую, а дальше

уже пошла работа неустойчивой человеческой, вернее, женской психики, которая таким образом защищается от каскада неудовлетворенности, опускаясь до цинизма, прикрытого маской невидимого диалога без лиц и жестов.

Слова Стаса становились невыносимыми. Он занял позицию защиты незнакомых ему девушек, безразличность которых так глубоко проникла в душу Ильи.

— Какого чаю? Было уже утро, они устали и хотели спать, — после этих слов Илья вдруг резко остановился, посмотрел в упор на друга, его поза в этот момент напоминала одинокого мотылька, бьющегося вокруг света зажженного светильника, роняя с пораненных крыльев серую пыльцу.

— Стас, а вот этого я не понял, ты меня слушал или нет? Повторяю, что я говорил с ними мужским голосом, а они, звоня мне, как бы не слышали меня, делали вид, что разговаривают друг с другом. Это же неприкрытая наглость, плевок мне в лицо. При этом, Катька — моя подруга детства, а Агриша — страшная тихоня. Как я мог понять, что они хотят большего?

— Слушай, Илья, — задумчиво и совсем равнодушно ответил Стас. — Если ты до сих пор

не понял, что тебя откровенно оскорбили, то как я могу объяснить тебе, что это было.

— Вот поэтому я и не нахожу себе места, нет у меня средства от цинизма. Почему Катька не сказала мне в глаза, что она думает обо мне? Почему подсунула мне эту странную девушку и позволила ей так изгаляться надо мной? Сколько лет я ее знаю, сколько было всяких случаев и пертурбаций, но такого я от нее не ожидал. Знаешь, раны от ударов друзей особенно болят, потому что они нанесены близкими людьми и неожиданно...

— Слушай, — прервал Стас, а давай пригласим их куда-нибудь и ответим им тем же. Вот тогда помучаются от неожиданности!

— Нет, не хочу, пусть Катька думает, что я ничего не понял, так будет лучше для всех, — ответил Илья.

— Да нет, это уже твоя слабость, в бою благородства не бывает, тут надо реагировать мгновенно, чтобы в будущем не повадно было, — отвечал Стас, обнимая друга за плечи. Он отвел его в сторону огромной клумбы с недавно высаженными разноцветными петуниями и продолжил. — Вот видишь, сколько их, и все они разные,

но живут и цветут вместе. Вот так и люди должны быть вместе, не затеняя при этом ничью территорию, так, чтобы каждому в отдельности хватало солнца, света, воздуха, бабочек над головой. То, что позвонили тебе твои недавние подружки в избранной ими издевательской манере, это не только безнравственно, но это является нарушением твоего пространства, то есть твоей внутренней конституции, потому что у каждого из нас есть пределы, которые пересекать невозможно. Потому, что подобное вторжение — это паутина, которую можно разорвать, но невозможно убрать из своего восприятия, ее липкие следы остаются надолго, а может быть, и навсегда. Твои девочки заигрались, прикрываясь расстоянием, длиною в несколько телефонных звонков, не задумываясь о последствиях и нравственных переживаниях того, о душу которого они так бесцеремонно вытерли ноги и пошли дальше. Потому что не задумываясь легче идти, уже все можно и не стыдно. Но они забыли лишь о том, что правило бумеранга никто не отменял, а он всегда возвращается. И тогда, когда кто-то так же назовет их подобными словами, они, возможно, смогут ощутить укол возмездия.

Стас закончил монолог, достал из папки свою визитную карточку и протянул ее Илье.

— Вот, недавно изготовил, здесь все мои координаты. Звони, если что, уж я точно услышу именно твой голос. А теперь давай зайдём в кафе, выпьем по чашке кофе и забудем твою нелепую историю.

— Я не против, — оживился Илья. — Вот только перезвоню при тебе Катьке и спрошу, почему она так себя ведет.

— Оставь ее в покое и отпусти ситуацию! — возмутился Стас. — Или ты желаешь видеть ее после этого?

— Нет, просто странно, почему она так со мной разговаривала? — не успокаивался Илья.

— Ты знаешь, — продолжил Стас, — если она тебя сейчас пошлет на все четыре стороны, то я нисколько не удивлюсь. Я лично уверен, что она совершила этот гадкий поступок под влиянием личного кризиса или внутренней опустошенности. И в этой глупости мне ее откровенно жаль. Вот тебе мой совет — никогда не возвращайся к тому, что уже позади. Она тебя предала, высмеяла да еще в низком слове со своей подругой, задев все твои мужские

качества... и достоинства, а тебе все мало. Пойми ты, наконец, подлость повторяема, она умеет размножаться, клубиться сигаретным дымом, стелиться ветром у твоих ног, обволакивая элементами недоговоренности и загадочности. Она нуждается в откровении, объяснениях, ибо это и есть ее пища и основание к продолжению. Она, как соты в ульях пчел, наполняется медом доверия, чтобы в самый неподходящий момент для жертвы ужалить жгучим ядом в самое уязвимое место. Не давай возможности таким людям общаться с тобой, захлопни все свои пределы перед ними, и иди дальше, не оглядываясь. Это — спам. Спам, который иногда непрошенным проникает в Интернет, в нашу электронную почту. Таких девушек, как они, можно отстранить от себя только равнодушием. Вот это и будет твоим иммунитетом. Не замечай подобных подруг, как твоя Катька, рви отношения сразу же, они достойны этого, — завершил Стас.

— Слушай, — оживился Илья. — Я не знал, что ты так разбираешься в женщинах, такую лекцию мне прочел.

— Да, я такой, — шутливо отпарировал Стас, чуть подпрыгивая при ходьбе. — Только из-за

этой дискуссии мы с тобой на лекции опоздали. Теперь уж точно в кафе. Я капучино буду, а ты?

— А я чего-нибудь покрепче выпью, чтобы окончательно забыть неприятную для меня историю, — уже более расслабленно ответил Илья.

На такой бодрой ноте друзья вошли в помещение находившегося по пути уютного кафе, устроились за маленьким столиком и заказали по чашке утреннего кофе. Они пили и наслаждались кофейным ароматом, втягивая в себя с каждым глотком неповторимую свежесть этого воистину божественного напитка. А за окном шумела жизнь. Прохожие торопились по делам, автомобили двигались в различных направлениях, издавая при этом определенные звуки... И во всем этом движении наблюдалось начало еще одного дня, открывшего портал в неизвестность.

— Думаешь, как называется кафе, в котором мы сейчас сидим? — спросил Илья.

— Не заметил, — ответил непринужденно Стас.

— «КАТЯ», — рассмеялся Илья и тут же продолжил. — Вот видишь, какая схожесть явлений, а ты говоришь, что есть лекарство от цинизма. Оказывается все не так просто, он преследует, этот цинизм. И я не удивлюсь, если сейчас сюда

заявятся «мои девушки» и не замутят чего-либо. У них это неплохо получается, а главное, синхронно, дуэтом.

— Оставь эту тему, не надо вспоминать о том, от чего, как ты говоришь, нет иммунитета, — смакуя очередной глоток крепкого кофе и щурясь от удовольствия, ответил Стас. — Но все же я думаю, что им надо сегодня позвонить вечером... Нет, под утро, и представляться их именами, пусть покувыркаются в своем сознании, возможно, узнают себя и найдут там многочисленные отзывы о своем же поступке, заслуживающим достойного осуждения.

— Я согласен, только звонить будешь ты, меня они по голосу узнают, — ответил Илья.

— Нет, — отпарировал Стас. — Именно ты позвонишь Катьке и скажешь: «Добрый вечер, Илья, это Агрипина». Когда услышишь ее голос, сразу же начнешь расспрашивать, как его дела. Потом скажешь от имени Агриши, что она не умеет одеваться, отстала от моды, расплнела, как медуза. Вот смеху будет. Только не давай ей опомниться. Забросай словами, как теннисными мячами, а если она собьет звонок, перезвони еще и продолжай в том же духе, пока

она не сломается от твоей напористости. А когда поговоришь с Катькой, перезвонишь Агриппине и продолжишь в том же духе... Назови ее Ильей, скажи, что купила новую губную помаду и попросишься в гости. Разложи по полочкам все ее недостатки. Главное, не забудь упомянуть о том, что она не умеет вести себя в обществе, а лишь прикрывается фальшивой загадочностью.

После этих слов Илья и Стас рассмеялись так громко, что на столике задрожали и рассыпались бумажные салфетки, а торопливый бармен выскочил из подсобки, спеша принять новый заказ. Но, не замечая всего этого, друзья продолжали живое общение, перебивая друг друга и дополняя затянувшийся диалог новыми идеями. В этот момент они казались большими детьми в маленькой, уютной комнатке кафе. Их лица светились разноцветными красками прекрасной молодости, переливаясь оттенками настроения и удовлетворенного состояния.

«Вот оно — счастье, когда понимаешь самого себя, и можешь определять кривую личного настроения. Какая же это прелесть, вот так безоглядно отдаваться откровениям, не боясь внезапного осуждения, встречаясь с пониманием близких

тебе людей. А что касается Катьки, то она мне больше не друг, да и не была им никогда. То наше школьное вчера позволило мне ее так воспринимать. А на самом деле, кто она?» — находясь в объятьях бегущих мыслей, подумал Илья, повернувшись к окну как к прозрению. Там он увидел совершенно иной свет, в котором, как в зеркале отражалось его лицо. Он смотрел и сквозь пелену задумчивости не мог оторвать взгляд от мелькающих шагов в различной обуви, поскольку кафе находилось в цокольном этаже, птиц, клюющих крошки на асфальте. И от этого погружения ему становилось все теплее и чище...

— Ну что, поедем? — окликнул его Стас, давно стоящий перед ним и взглядом показывающий на выход.

— Да. А куда? — очнувшись от задумчивости, неразборчиво ответил Илья.

— Не знаю, может быть, в бассейн, — предложил Стас.

— Это неплохая идея, — подхватил Илья. — Вода помогает и смывает все, в том числе и неприятные воспоминаия.

Друзья вышли из кафе и направились к остановке маршрутного такси.

— А счет?— вскрикнул Илья.

— Я давно расплатился, пока ты в окне искал кого-то, — спокойно и по-деловому ответил Стас.

— Как ты сказал? Искал кого-то? Да, я искал себя в этом перегруженном информацией мире и увидел свое отражение, уже не похожее на мой вчерашний облик, так крепко связывающий меня с моим прошлым. Там я был совершенно другим, что-то изменилось во мне, деформировалось, уже не было страха перед сомнениями и непреодолимостью.

ПОРТРЕТ

Мы сидели за маленьким столиком художественной мастерской, расположенной на втором этаже Дома художников, и делились впечатлениями недавних дней. Здесь же, по соседству, работал какой-то очень крутой бизнесмен, который тоже пишет картины маслом, и изредка исполняет на фортепиано, стоящего почти посреди комнаты, любимую, наверное, не только для него мелодию Ференца Листа, посвященную княгине Каролине Витгенштейн, с которой он познакомился во время концертной деятельности в самый плодотворный (веймарский) период творчества композитора.

В комнате мастерской пахло растворителем, смешанным с еле уловимым запахом роскошного букета сирени, стоящего на широком подоконнике окна, выходящего в тенистый дворик пятиэтажного дома, где расположены мастерские харьковских художников, некогда шумевшего творческой жизнью, а теперь похожего на уставшего старика, давно не знавшего ремонта. Мы — это художница Валерия, женщина тридцати пяти лет, невысокого роста с огромными карими глазами

на все лицо и неповторимой скользящей улыбкой. Ее супруг — тоже художник, но еще и керамист, мужчина пятидесяти шести лет, плотного телосложения, с большими рабочими руками и седой бородкой. Он походил на гриб, крепко впившийся в землю, как бы боясь потерять равновесие и свою связь с бесконечно меняющей свои направления жизнью, а поэтому постоянно самоутверждаясь. И я — девушка лет тридцати восьми, не замужем, искренне любящая этих двоих, порой совершенно беспомощных в быту людей, преданных до конца самым тонким ниточкам искусства.

В эту мастерскую я хожу давно, еще с весны позапрошлого года. Лера, с которой меня познакомил работник милиции Николай, который (не удивляйтесь такому совпадению — тоже художник), пишет мой портрет и не просто, а портрет женщины в шляпе, а я, как заядлая натурщица, позирую и общаюсь с нею, наслаждаясь ее сленгово-богемным колоритом и неординарными фразами. Вот и сегодня Лера спешно разводит краски, смешивая их на палитре кисточкой с легкостью опытного колориста, добиваясь нужных оттенков и оригинальных цветовых решений — тонов и полутонов. Как она говорит:

— Главное в работе художника — это цвет и линия.

Боже, как же я запомнила эти слова. Сколько лет прошло, а память, идущая к свету и горизонту, так и не потеряла на своем пути воспоминания об этих удивительных людях.

Обычно Лера сидит в сосредоточенной позе работающей художницы, а я рассказываю ей истории из моей профессиональной деятельности, поскольку она это очень любила и всегда смеялась так громко, несколько даже по-детски, что я, подогретая ее искренним интересом, умудрялась доставать из базы своей памяти все новые и новые смешные истории, от которых хотелось и смеяться, и плакать.

Сколько же было радости в ее глазах, когда она слушала мои рассказы о многочисленных гражданах, приходящих ко мне на прием по месту моей работы, о том, как они говорят, как ведут себя, как общаются со мной. Это было настоящее удовольствие рассказывать ей об этом, подбрасывая в огонь ее живых ощущений все новые и новые истории, от которых она просто сходила с ума.

Как то она тоже обратилась к своим воспоминаниям и рассказала мне, что когда-то, у ее папы,

был друг, который работал в их доме и сооружал камин. Так вот, когда он работал с кирпичом, то постоянно пел одну и ту же песню со словами: «Ой, Север... Север...»

— Не пойму, — продолжала она, он сидел что-ли? Смешной какой-то. Я его даже, честно говоря, тогда побаивалась.

Вот в таком необыкновенном колорите общения мы проводили многочисленные часы нашей незаметно возникшей творческой дружбы.

В связи с этим я почему-то вспомнила о Николае и о том, что в нашем доме раньше жила пьяница Настя, к которой он ходил, то есть как бы симпатизировал ей. Однажды я зашла к ней после работы, не помню уже, что мне нужно было, а она сидит за столом на кухне. На столе возле нее стоит бутылка водки и стакан с гранеными боками, рядом разместилось содержимое всего центрального рынка города Харькова, напоминающий натюрморт Караваджо. В миске лежал непонятно когда очищенный картофель, посиневший даже в воде, рядом лежала кучка овощей, а на краю стола красовалась распотрошенная курица, голова которой свисала со стола, здесь же лежали потроха, небрежно отодвинутые от курицы и оставившие маслянистый

след на и без того грязной клеёнке... Недоеденная гроздь винограда с засохшими листьями, а в тарелке с зеленой каймой красовалась разорванная пачка с растаявшим мороженым. Ну чем не натюрморт известного художника, только помоскалевски. То, что Настя грязнуля, меня не удивило, я знала, что она и посуду никогда не мыла, а складывала в мойку и включала воду — пусть сама моется.

Настя уже была навеселе, как говорят о ней во дворе — «пьяндыга», потому, что пить начала с пятого класса.

— Садись, — заплетающимся языком сказала она мне, — сейчас ко мне Коля придет, посмотришь, как он тебе.

— Нет, мне некогда, — отпиралась я, боясь прикоснуться к липкой от грязи двери. Переставляя ноги, я стала мысленно искать чистый островок ее совершенно запущенной и утопающей в грязи квартиры. — Нет, я пойду, ты мне была нужна, чтобы узнать... — не успела закончить я.

— Да нет, садись, — остановив меня на полуслове, сказала она, одновременно отодвинув от стола такой же замызганный стул, указала взглядом на него, как на трон, и продолжила: — Хочешь борща?

Я увидела кастрюлю черного от копоти цвета, стоящую на газовой плите тоже непонятно какого цвета от накипи и остатков пищи, в которой что-то кипело и булькало. «Значит, не совсем опустила, — подумала я, — еще гостей принимает...» Я прошла на кухню и остановилась возле этой злосчастной мойки с грудой посуды, которая была хаотично сброшена, вместе с остатками пищи, как в мусорное ведро.

Открылась входная дверь, и я чуть не вскрикнула. Это же художник Коля Иващенко! Нас с ним Лера познакомила прошлой осенью, вернее, она пригласила меня в субботу, так как по субботам я постоянно бывала в мастерской, чтобы в очередной раз, как говорится, затянуться многоликим ароматом творчества. Вот там я и увидела Николая. Тогда он принес с собой несколько эскизов, а когда развернул их и разложил почему-то на полу, то я сразу поняла, что он талантлив и не зря дружит с Леркой. Она то знает толк в этом.

Николай, увидев меня в Настинной квартире, несколько смутился, но мгновенно перестроился и совершенно спокойно сказал:

— Здравствуйте, а что вы здесь делаете?

— А вы что? — не раздумывая долго, ответила я.

— Я вот к Насте пришел, поговорить надо.

После этих слов я уступила ему место в дверном проеме и намеревалась тут же уйти.

— Нет, нет, — придерживая меня за локоть левой руки, затараторил Николай, как будто не Настя, а он хозяин этой квартиры, — я, вот, конфетки принес, чаю выпьем.

В голове у меня забегали мысли, как мыши в запущенном сарае. «Неужели он сядет за этот стол, и будет пить чай в такой грязи? Вот кто они такие, мужчины? Неужели не видят, к какой женщине идут? Не понимаю... Хотя... — притормозив нахлынувшие волнами свои размышления, я остановилась. — Он же художник...»

Вообще, художники все какие-то посвоему неопрятные что ли, несобранные и своеобразно рассеянные... У моей Лерки тоже в мастерской, мягко говоря, как-то не совсем стерильно, пыль лежит еще со времени, когда там работал ее отец, который оставил этот мир лет девять назад. Когда я однажды предложила ей свою помощь убрать в мастерской, при этом сказала, что возьму с собой свою знакомую по институту Нину Метельскую, и мы вдвоем наведем порядок. Все перемоем,

сложим по полочкам. Тогда она наотрез отказалась, пояснив, что ее супруг любит ее и такой. «А что до мусора, — говорила она, то у каждого свой порядок».

Николай настаивал, чтобы я осталась, пообещав рассказать интересные истории из его творческой жизни.

Ну что мне оставалось делать? Я уступила ему дорогу, отодвинулась на несколько шагов по коридору в сторону выхода и вышла из квартиры, сказав, что скоро вернусь. Дома я переоделась, взяла в холодильнике колбасу, сыр и поднялась к Насте на этаж выше. Они уже сидели в комнате на диване. А я то знаю, что этот диван подарил ей ее предыдущий воздыхатель. Вот если бы мы знали историю всех диванов и их владельцев, было бы над чем призадуматься...

Я опустила в кресло, предварительно прикрыв его лежащим рядом пледом.

— Так о чем ты будешь рассказывать? — обратилась я к Николаю.

— А, да... Слушайте. Я недавно обнаженку писал, а она уснула.

— Что? — вскочила с места Настя, — кого ты писал? Ну ты даешь!

— А чего ко мне не пришел?

— Вот видишь, — обращаясь ко мне, продолжил Николай. — Она этого не понимает. Каждый художник, хоть один раз в жизни, писал с натуры женщину. Это же красиво, что же в этом плохого?

— Ну и иди к своей натуре, а я тебе зачем? — продолжала возмущаться Настя.

— Перестань, — настаивал на своем Николай, — давай лучше в следующий раз в моей мастерской встретимся.

В этот момент я поднялась с кресла и молча ушла к себе. А поскольку моя квартира находилась этажом ниже, то еще долго я слышала доносившиеся сквозь деревянные перекрытия потолка звуки бурного общения уже подвыпившей Насти и разговорчивого Николая... Да, веселое было время, и сил у меня на все это хватало и здоровья.

Итак, незаметно увлекшись своими воспоминаниями о моей соседке с верхнего этажа и художнике Николае, которого связывают с Леркой многие годы знакомства (он был учеником Лериного отца), я вдруг очнулась, как ото сна, и поняла, что уже давно позирую Лерке, но прервать мою любимую художницу от работы не решаюсь. Сегодня она должна закончить мой портрет и он, то есть,

я в нем, вернее, мы с ним, уже будем ночевать в моей квартире. А то каждый раз, когда я уходила из мастерской после нашей совместной с Лерой работы, то ощущала, что там, за дверью оставалось что-то уже образно живое и необъяснимо близкое мне. Кто не позировал, тот никогда не поймет этого состояния.

А летнее солнце уже катилось вниз, закрывая за собой розовый занавес заката. Но в мастерской кипела работа, и мы снова погрузились в необъяснимый тандем мастера и натурщицы, которой, на тот момент, была я. И в этом невидимом взгляду творческом дуэте мы с Лерой обменивались воспоминаниями, шутками, намечали планы, связанные с поездкой в город Киев, где у Богдана на территории Киево-Печерской Лавры, находилась художественная мастерская.

В этот момент Богдан занимался своим делом, пересматривая наброски и эскизы рисунков, оставленных Лерке ее отцом. Он сортировал работы, подносил их к свету, как будто искал в них какие-то изъяны, и снова возвращал их в большую бумажную папку с матерчатыми веревочками на краях. Он был похож на большого ребенка, увлекшегося архивом некогда творившего и ушедшего в мир

иной безумно талантливом и настоящего человека — художника и отца Леры. Его глаза покраснели от напряжения, а тело приняло характер изваяния, позу Сократа, думающего, сидя на краю Вселенной. Что-то в нем было самобытное и глобальное, но что — понять невозможно. Хотя... почему невозможно? Он же настоящий мужик и муж моей Лерки.

— Все, — неожиданно произнесла Лера, — портрет готов.

— Как он тебе? — обращаясь ко мне, восторженно произнесла она.

В этот момент она как-то, по особенному, посмотрела на меня своими каштановыми глазами, кажущимися еще выразительнее в охристом оттенке вечерней мастерской.

От этих слов я соскочила со своего пьедестала-табурета, на котором провела неподвижно несколько часов и быстро подошла к оконченной работе, откуда на меня смотрела какая-то женщина в черной шляпе с небрежно наброшенным на плечи тонким шарфом — это Лера так придумала. Она не была похожа на меня, но там была я, именно та, которую увидела моя художница, отразив не только объективное движение моих

внутренних эмоций, но и что-то неподдельно внутреннее, не похожее ни на кого больше.

Да, она всегда умела заглянуть в глубину и увидеть образ в его индивидуальности и неповторимости.

— Здорово! — воскликнула я, — это удача, это же чудо какое-то, Лерочка, я в восторге! Поставь автограф и я увезу его домой.

— Нет-нет, — возразила она, — еще рано, пусть высохнет, а то краска может потечь и все будет испорчено, пусть остается на месте, а мы это дело обмоем.

— Богдан — обратилась она к мужу. — Где вино, которое ты в прошлом году из Киева привез?

Богдан — мужчина по натуре где-то скуповатый, посмотрел на жену наигранно удивленными глазами и молча пошел в противоположную сторону комнаты, где на полке среди прочих, покрытых пылью предметов и картин стояла коробка с прошлогодними и уже давно засохшими цветами чернобрицев, здесь же — гипсовый бюст голой Венеры без рук, который со временем стал грязно-серым, напоминающим что-то среднее между гранитом и камнем неизвестного происхождения. Он остановился, как бы вглядываясь

в тень, отражающую вечерний пейзаж на стене, достал из-за маленького неоконченного пастельного наброска, выполненного на куске бумаги, бутылку «Каберне». После этого он торжественно возвратился к нам, откупорил бутылку и налил в стоящие на столике чашки бледно-розовый напиток.

— За портрет! — подняв чашку вверх, торжественно воскликнула я. — За твои руки, Лерочка. Спасибо тебе, ты необыкновенная, ты поймала меня, мое настроение... Спасибо!!!

Вино быстро смешалось с эмоциями, запахом купленных Богданом на Сумском рынке свежих овощей, сала с чесноком и зеленым луком — настоящей крестьянской еды, отчего мы дружно расслабились, шутили и откровенно смеялись. И, как правило, громче всех смеялась я. Вообще, художники, как я успела это заметить, это большие дети, они всему удивляются, широко и искренне радуются и часто плачут, как моя Лерка.

Тогда я понимала, что мне давно пора домой, но желания уходить не было, потому что наше общение было настолько теплым и ни к чему не обязывающим, а вино таким расслабляющим

и отстраняющим от мира реальных проблем и переживаний, что наши жесты и взгляды произвольно передвинулись в плоскость неподдельной радости и полета, легкости и единения наших совсем непохожих и разных душ. Особенно было смешно, когда Богдан рассказывал о том, как он учился во Львовском университете, и когда он приезжал в свое село на каникулы, то наблюдал, как его отец — известный в округе гончар, выпекал в печи горшки, которые потом отвозились в город на базар. Как однажды после такой поездки, возвращаясь на занятия, по дороге во Львов он встретил односельчанина и пошутил, что у него много денег от проданных накануне глиняных горшков. Хотя какие тогда были деньги? Одни слезы. Но тот поверил и от этой новости чуть не свалился с телеги, которую он несколько раз останавливал, покрикивая на лошадей, и переспрашивал: «А скільки ж грошей у тебе зараз?»

Вспоминая эту давнюю историю, Богдан заливался смехом, и в тот момент он казался воистину счастливым в погоне за уже неповторимой безвозвратностью.

А вечер уже давно перебрался в комнату мастерской, и в его синевато загадочном свете

метался, оставляя на стенах и потолке загадочные тени, фитилек зажженной обыкновенной парафиновой свечи, стоящей на столике нашей затянувшейся трапезы.

— Давайте собираться, — предложила я, — вот только как с портретом?

— Ничего, выйдем на проспект, остановим такси и поедешь со своим портретом, — спокойно ответил Богдан.

Так мы и сделали. Вышли на улицу, прошли по улице Культуры до перекрестка, повернули налево, передохнули на скамейке небольшого парка, по пути зашли в кафе «Попугай», где заказали пиво немецкое (все время забываю его название). При этом, Богдан все время ворчал, чтобы я не тратила деньги, потому что расплачивалась, конечно, я — как виновница торжества. А потом мы вышли на широкий проспект и стали по очереди поднимать активно руки, останавливая попутное такси. Долго ждать не пришлось, «Ауди» белого цвета подъехала, как катер к причалу, и я, расположившись на заднем сидении в обнимку со своим портретом, направилась к месту своего жительства.

На следующий день я была занята на работе, а вечером, приняв душ и включив новости

по телевизору, вспомнила о портрете, после чего открыла дверь в соседнюю комнату, где он стоял, прислонившись к креденсу. На меня смотрела женщина каким-то совершенно далеким взглядом с подчеркнутым достоинством и уверенностью, мягко сложив руки с длинными пальцами и маникюром, ее плечи обрамляла тонкая серого цвета накидка, вовлекая в невидимую глазу запортальность еще до конца не расшифрованного ощущения. И в этот момент я почувствовала схожесть — да, это была я. Нет, не совсем я, там была даже не совершенная схожесть а что-то более проникновенное и необъяснимо мое.

Как только я хотела прикрыть за собой дверь, расставаясь с портретом теперь уже совсем ненадолго, всего на одну ночь, как раздался телефонный звонок. Это — Лера, она всегда звонила поздно, чтобы поболтать подольше. Конечно же, ей не надо бежать утром на работу, она же вольный художник, чего не скажешь обо мне.

— Как портрет, ты его уже повесила? — спросила она низким голосом.

— Нет, стоит на полу и смотрит на меня, — ответила я, уловив в голосе подружки какую-то тревогу, после чего, помолчав, спросила про Богдана, как он, и не спит ли уже.

— Нет, не спит, он давно уже в Киеве, мы с ним поссорились, — продолжила она.

— Зачем? — уже несколько повышенным голосом спросила я.

— У меня деньги твои украли в троллейбусе, ну те, что ты за портрет мне заплатила. Сама не знаю, как это произошло. Мы с Богданом после того, как проводили тебя, сели в троллейбус через передние двери, там стояли какие-то ребята, я прошла вперед по салону, а Богдан шел за мной. Один из них направился к нам навстречу, как бы пытаюсь выйти, он оказался между нами, а другой сзади сдвинул мою шляпу мне на глаза, я ничего не видела, сумочку с деньгами я держала перед собой, а третий, как я уже теперь поняла, вытащил из нее мой кошелек. Это было так быстро, что я ничего не поняла. А уже дома, когда раздевалась, обнаружила, что кошелек нет. Ты понимаешь, это были последние деньги, на которые я так рассчитывала. Что мне делать? Богдан сказал, что я раззява и сама виновата, Но он же мужчина, он не защитил меня от воров. Что за человек?

— Успокойся, возразила я, главное то, что вы с Богданом живы, здоровы, а денег никогда не было и не будет.

Но про себя подумала: «Господи, где взялись эти воры, у кого они украли эти несчастные деньги? Уж я то знаю, как моим друзьям тяжело в материальном плане, как они перебиваются, имея только случайные заработки от ремесла и таланта, а часто просто голодают. Я знаю, что они имеют лишь один доход, вытекающий из творческого процесса и продажи картин, большинство из которых воистину бесценны, однако, как показывает жизнь, платить деньги за них мало кто желает. То ли от бедности, то ли от скудости, то ли от необразованности... Кто знает?»

Вообще, их семейные отношения я никогда не понимала. Лерка живет в Харькове, Богдан — в Киеве, общаются достаточно редко и имеют разный бюджет. Что же тогда это за семья? Название одно.

Чтобы успокоить Леру, я сказала, что помогу ей, главное, портрет удался, но она меня не слышала, отдаваясь такому горькому отчаянию, от которого в мою квартиру стал просачиваться едкий туман всечеловеческой неизбежности, беспомощности перед пороговым преодолением чего-то давящего и тянущего вниз...

И почему я слышала ее тогда и понимала, а она меня — нет... Почему? Этот вопрос приходил

ко мне уже гораздо позже, когда наши встречи становились все реже, а жизнь все сложнее. И я все же нашла на него ответ, и он был прост. Там, в той дышащей магией портретов художественной мастерской, я была лишь моделью, исполнившей свою роль. А они — Лерка и Богдан — поплыли дальше, разделяя свой несколько своеобразный семейный быт с приходящими минутами бесценного творчества.

Уже намного позже мы часто вспоминали об этой ситуации, а Богдан в ролях, показывал, как вдруг у Леры шляпа упала на глаза, как его преступники отгеснили от жены и прижали к стойке троллейбуса, и как он был введен в какой-то криминальный транс, от наступления неожиданной беды и непонимания того, что же на самом деле произошло.

Данной истории исполнилось много лет, а портрет спокойно висит на стене гостиной загородного дома, где я теперь проживаю, и каждый день дарит мне свой безмолвный взгляд, который я до сих пор пытаюсь понять.

ШАРИК

Лето. Жара. Во дворе пятиэтажного дома на скамейке в полуразвалившейся беседке сидят трое: Вадик — дворовый пьяница со стажем, но не до конца, так как сумел сохранить в своей давно пропитой душе любовь к приبلудным собакам и кошкам, чем-то похожим на него... Рядом с ним на чурбане, спиленного и брошенного здесь же умирать, некогда спасавшего под своей роскошной кроной жильцов дома от изнуряющей жары и давно уже сгнившего дерева, восседает, как король на виртуальном троне, во всяком случае, он так себя ощущает, Ваня по кличке Хрущ. И кто только дает людям клички, которые настолько точно подчеркивают суть человека, отодвигая на задний план настоящее имя. И здесь же, на краю поржавевшего от времени и дождей железного столика, как сорока на суку, восседает Кучерявый — это его кличка, имя все давно забыли. И почему Кучерявый? На его голове не наблюдалось ни единого волоска, отчего его давно немытая лысина походила на надутый резиновый мяч, мелькающий среди поблекших от жары кустов сирени.

Все о чем-то живо беседовали, то возбужденно перебивая друг друга, то переходя чуть ли не на шепот, создавая загадку для сидящих в нескольких шагах на ветках почти осыпавшейся от чрезмерного тепла акации воробьев, периодически взлетающих, меняя место своей дислокации в надежде на завладение упавшими крошками хлеба или иного продукта, которые, как правило, остаются после посиделок этой тройки отпетых пьяниц. Вот странно: даже птицы понимают, что эти люди, давно продавшие себя веществу, которое горит в их желудках, постепенно разрушают свои жизни, отпущенные каждому из них небом. В них присутствует один общий лик, объединяющий пьющих людей, признак алкоголизма, заключающийся в припухлости лица, отсутствии передних зубов, опухлости рук, а главное, в абсолютной потере совести и стыда за свое падение в пропасть...

Сидят все трое и то и дело посматривают в сторону выхода со двора, надеясь увидеть местного авторитета по пьяным дебошам. Эдик, он же Эдуард Сизов, он же Серый, имел несколько ходок, ему эти алкаши подчинялись беспрекословно.

— Вон он! — вскрикнул Хрущ, подавшись всем своим худым туловищем вперед и вскинув, как Адольф Гитлер, правую руку.

— Где? — первым спросил Вадик.

— Да, вот он... они... — сказал Кучерявый.

— Что это за шмара с ним ползет? — подхватил спрыгнувший с чурбана, как перепуганный воробей, Хрущ.

— Не знаю, — ответил Кучерявый, привстав со своего железного трона, и добавил. — Это, наверное, очередная пассия Серого.

— И зачем она здесь? — нервно теребя фуражку со звездочкой на козырьке и теряя надежду что-либо выпить сегодня, прошипел Вадик.

— Здорово, орлы! — вызывающе поприветствовал Серый, подходя к всполошившейся тройке.

— Здравствуйте, здорвьте, привет... — прозвучало в ответ разноглосье собутыльников.

— Чего ждем? — продолжил Серый. — А может — кого? Вот я иду и думаю, что меня ждут мои кореша со вспотевшей бутылочкой и огурчиками. А вы?.. Были алканавтами и остались ними. Только почему пьете постоянно за мой счет?

— Да мы вот думаем, как сообразить, — осмелившись, выпалил Хрущ.

— А, так ты еще и соображать умеешь? — побагровел от злости Серый. — То-то я вижу, как вы так быстро соображаете, что до сих пор даже не предложили даме присесть.

После этих слов все трое подскочили со своих мест, как ошпаренные кипятком.

— Да, да, мадам, садитесь, — раскланялся Кучерявый, когда-то знавший толк в обхождении с особами противоположного пола.

— Да, не садитесь, а присаживайтесь, — продолжал Серый, обращаясь к Кучерявому. — Ты, как я вижу, совсем нюх потерял, — в том же тоне продолжал Серый.

В это время из-за его спины проскользнула, как таранка между двумя кружкам пива, худая до безобразия женщина с небольшим черным хвостом нерасчесанных волос и тут же усе-лась на лавочку, заняв место Вадика. Она была настолько неухоженной и с такими явными признаками вчерашнего алкогольного забвения, что сразу невозможно было понять, какого она возраста и происхождения, так как ничего женского в этой печальной фигуре не наблюдалось.

— Да не туда, вон на тот чурбанчик садись, — командовал Серый.

Его командирское указание было выполнено «мадам» без промедления и совершенно беззвучно.

— Ну что, знакомьтесь! Это моя давняя знакомая— Веруня.

— Да,— подхватила Веруня. — Мы с Эдиком знакомы...

И неожиданно замолчала, встретив взгляд напористого Эдика Серого. При этом она улыбнулась, обнажив свой синюшный рот с остатками некогда красивых губ. Если внимательно присмотреться, то сквозь эту запущенность, а вернее, опущенность, проглядывалась некая давняя привлекательность когда-то присутствующего в ней женского обаяния.

— Я сейчас, — тихо сказала незнакомка и так же неожиданно, как появилась с Серым, скрылась во дворе соседнего дома.

— Куда это она? — заметил, как бы невзначай, Вадик.

— Куда... куда? А ты не знаешь, куда? Вот ты тут сидишь и ни хрена не делаешь, а выпить, небось, ох как желаешь, — продолжал Серый. — А она сейчас, моя ласточка, что-то сообразит.

— Слушай, Серый, — неожиданно прибодрился Кучерявый, — а она что, в магазине работает?

— Ты охренел от недопития? — опять перешел на грубость Серый. — Она не работает, а вот водку умеет из-под земли достать.

— Она тоже сидела? — лез с расспросами Кучерявый.

— Кто?

— Эта, как ее, Ве-е-рка?

— Нет, не сидела и никогда не сядет, потому что она просто-напросто дворовая сучка.

— Почему дворовая? — спросил Хрущ. — Я ее никогда в нашем дворе не видел.

— А что, кроме вашего двора других дворов в Харькове нет?

— Да, есть, но... — замялся Хрущ.

— Она на Салтовке живет в «хрущевке». Работала медсестрой и спилась потихоньку, — уже потише сказал Серый.

— Так она нам сейчас спирт принесет? — отозвался Вадик.

— Не знаю, может быть, и спирт, — уже совсем спокойно ответил Серый.

— Так его же надо чем-то разводить.

— А тебе какое дело? Пей себе надурняк, кайфууй, пока я жив, — забубнил, как в барабан, Серый. — Тебе же только глаза надо залить.

— А тебе?

— А мне, — вздохнул Серый, — мне надо свою мечту догнать. Ведь до отсидки я в авиаконструкторском кружке занимался, самолеты строить мечтал. Думаю, что надо догнать ее, — протянул Серый.

— Кого? — переспросил Кучерявый.

— Кого-кого! Мечту, тупица.

Сказав это, Серый быстро встал и направился навстречу идущей Вере. Та чуть ли не бежала, несколько раз споткнувшись, по направлению к компании из четырех мужиков с целлофановым кульком в правой руке.

В это время, как только Серый отошел на несколько метров, Хрущ живо заметался.

— Конструктор, мечта... — повторял он про себя. — А в прошлый раз говорил, что на подлодке работал и какие-то чудища в море видел. Вот заливает.

— Кто разливает? — очнулся дремавший Ваня.

— Вот у тебя чутье, что у тебя за обаяние? — ответил ему насторожившийся Кучерявый.

— Не обаяние, а обоняние — нюх, — разъяснил уже совсем приободрившийся Хрущ.

Наконец все успокоились, а приблизившаяся к столику Вера поспешно достала из кулька поллитровую бутылку с мутной, будто разбавленной мелом жидкостью неизвестного происхождения, закрытую пробкой из газеты, батон, кусок колбасы и несколько соленых огурцов.

Серый, приняв позу ведущего, важно скомандовал:

— Кучерявый, продирижируй.

После чего Кучерявый трясущимися руками налил самогон в неожиданно появившийся из кармана брюк Серого рубленый стакан. При этом наступила такая тишина, что было слышно, как течет вода из открытой колонки на соседней улице, а горлышко бутылки постукивало по краю стакана в унисон дрожащей руке Кучерявого.

— Все! — скомандовал Серый и протянул стакан, на четверть заполненный самогоном.— Сначала Верунчику, женьщину надо пропускать вперед.

Вера, приложилась к стакану и манерно, как бы пробуя, что она пьет, сначала сделала один глоток, потом второй, а затем выпила залпом, как лекарство, щурясь и вытирая губы рукавом.

Дальше все было намного проще, без пауз и отвлекающих жестов. Пили по кругу и так быстро, что минут через тридцать от содержимого поллитровой бутылки ничего не осталось, кроме бумажной пробки, валявшейся здесь же под ногами уже подхмелевшей компании.

— Вот это расслабуха! — неожиданно рассмеялся Вадик.

— Верунчик, — оживленно обратился к Вере Серый, — сбегай за добавкой, Кися. — При этом

он небрежно бросил взгляд в сторону Верунчика, которая, полусидя на краю столика и затянувшись сигаретой, застыла, как бы боясь выпустить дым, а затем резко вскочила, направила струю дыма в сторону и приблизилась к Серому.

— Чего молчишь, как глухонемая, — продолжал Серый. — Беги за добавкой за мой счет да жарчки прихвати.

От этих слов Вера встрепенулась, как бы прихорашиваясь перед важной встречей, и, собравшись с силами, пытаясь держаться ровно, хотя выпитое уже достало до ее и без того не раз разбитой вот такими, как ее друг Серый, головы, тихо, почти беззвучно прошипела:

— Иду.

— Иди, иди! — подгонял Серый, — я потом сам расплачусь.

— Да не говори, что мы здесь, а то сын этой самогонщицы Друни сразу прибежит на дурняк похмелиться.

Вера засеменила походкой покорной прислужницы по направлению к выходу из двора, где через несколько улиц жила знакомая всем, и даже участковому инспектору, Друня Колыванова, у которой самогонный аппарат стоял прямо на кухне, а капли драгоценной жидкости, как слезы Друни,

стекали в банку, подвешенную на веревке. Почему слезы? Да потому, что у Друни глаза всегда были на мокром месте, то ли от испуга, перенесенного в детстве, то ли от расшатанных нервов. Поэтому она всегда плакала, даже когда смеялась. Причем слезы лились из ее глаз так обильно, что ни один покупатель, и даже такой, как Серый, не осмелился ни разу ее чем-либо обидеть.

А в это время алкоголь развязал языки всегда находившимся начеку в присутствии Серого — его сокамернику по последней отсидке Кучерявому и постоянно зевающему, как рыба без воды, Ване Хрущу.

Они курили, вспоминали свои подвиги, попойки, ненавистное похмелье и как все втроем недавно забрели к знакомой Кучерявого Светке — в прошлом красавице двора, которая никогда не отказывала в гостеприимстве и даже угостила их каким-то вином, после употребления которого они совсем потерялись. Пришли в себя лишь через несколько дней, встретившись возле того же чурбана, что и сегодня, и пытаясь воспроизвести картину происшедшего с ними.

Серый в это время присел на корточках возле скамейки и закурил в затяжку, вытянув при этом свой небритый подбородок. Его вид был

настолько противоречивым, что со стороны он был совсем серым и неприметным, как бы сливающимся с обстановкой не убранного от окурков двора. Но в ауре окружающей его компании он слыл непревзойденным авторитетом, от движения взгляда которого все остальные сразу, как по команде, замолкали и настраивались на волну его действий и указаний.

А солнце уже покатилося к закату, однако летом оно не спешило ложиться на отдых, отдавая свое тепло июльской земле, всем существам, живущим на ней, и даже этим спившимся, ждущим отправленную за очередной порцией выпивки Веру.

Вадик встал, пошатываясь отошел в сторону и как бы небрежно сказал:

— Все, братва, надо идти домой.

— Куда? — спросил Кучерявый, поглаживая свою лысину.

— Домой, — повторил Вадик, направившись к открытому проходу двора.

— Ты что?! Рамсы попутал?! — возмутился Серый.

— Какой там домой? Верка придет, тогда и пойдешь к себе домой, — подхватил трусливый Ваня Хрущ. — Она же еще принесет.

— Ну ладно, — ответил Вадик и вернулся на прежнее место.

— И где эта Верка, сколько можно ходить? — буркнул Ваня.

— Что? — переспросил Серый. — Верка? Какая она тебе Верка? Ты, может быть, спал с нею? Верка! Она — Верунчик, понял? А Веркой будешь свою швабру называть, когда отправишься отдыхать на зоне. Ты понял?

— Да я не хотел, — невесело ответил Хрущ.

— Я не спрашиваю, чего ты хотел, — процедил Серый. — А то как пить на шару, так Вера, а как ждаться, то Верка.

— Я... — опять попытался оправдаться Хрущ.

— Заткнись и жди молча, а то я тебе быстро покажу цыганочку с выходом вперед ногами, — нахмурившись, пригрозил Серый.

— Понял, — оправдываясь перед гневом Серого, повторил Хрущ.

— Вот так, — довольно закончил Серый, поглаживая по спине дремлющего у его ног Шарика, так называла его Верка, — бездомной дворняги, незаметно присоединившейся к уже не представляющей для него никакой опасности, потерявшей над собой контроль компании

таких же, как и она, никому не нужных людей. При этом Шарик то засыпал, свернувшись клубком, то, внезапно вздрагивая, просыпался, поднимая вверх торчащие двумя черными язычками свои лохматые уши. Неизвестность породы придавала собаке еще больший интерес к ней, поэтому Шарик, живя во дворе, был несомненным любимцем детей и стариков, имеющих одно общее — начало и конец никому не известной на этой земле дистанции жизни.

Уже почти стемнело, как радостная Верунчик незаметно подкатилась с сумкой и уселась на скамейку рядом с Серым.

— Принесла? — спросил он, глядя на сумку.

— Да, — ответила Верунчик. — Вот две бутылки, а за третьей пришлось сбегать в магазин на Леваду.

Через довольно небольшой промежуток времени наступило ожидаемое для всех расслабление, когда все были довольны и все равны перед стаканом жидкости, от употребления которой собутыльники превращались в родственников, обнимались, намечали планы следующих встреч, вспоминали и затягивали песни прошлых лет, своей молодости...

Прошло несколько часов, но никто и не соби-
рался расходиться. Во дворе раздавались хмель-
ные голоса, звон падающих бутылок, пьяное
пение, напоминающее вой ветра в трубе, и стук
по крышам домов внезапно начавшегося дождя.
Изрядно выпившие и почти до нитки промок-
шие, собутыльники направились к непримет-
ной постройке, когда-то служившей подсобкой
магазина, находившейся здесь же во дворе, дверь
в которую была всегда открыта. При этом, Вера
и Шарик вбежали туда первыми. Вера, потому
что довольно часто ночевала здесь, перебрал
в очередной раз, а Шарик, потому что он после
того, как его выгнал хозяин, жил здесь. В неболь-
шом помещении, обшитом почерневшими
от времени досками, стояли пустые деревянные
ящики, один посредине, перевернутый набок,
очевидно, используемый, как стол. Здесь же сто-
яло несколько табуреток, сколоченных из дерева,
валялись пустые бутылки. Вера юркнула вглубь
комнаты, где нащупала низкий топчан и заняла
на нем удобное место, после чего за нею на топ-
чан прыгнул Шарик, прижался к ее руке своей
промокнутой мордой, дрожа то ли от дождя, то ли
от радости наступившего уюта ночи. Поскольку
в подсобке было темно и душно, пьяные друзья,

мало разговаривая, начали постепенно отъезжать, как после принятого наркоза, и расположившись кто где.

Глубокой ночью в подсобке раздался вопль Серого, который спал у двери навзничь, положив ноги кому-то на голову.

Он вскочил и застыл посреди подсобки, упираясь головой в потолок, и, как пьяный Геракл, задыхаясь от ярости, кричал:

— Кто... кто это сделал?.. Верка, где ты? Это ты, сука, помочилась на меня, это ты закрылась на ночь на крючок и не нашла выхода в туалет?

При этом по его лицу, шее и подбородку стекали струйки мочи, оставляя зловонный запах и липкость. Проснувшись от неистового вопля, Верка забилась в угол топчана, не говоря ни слова в ответ.

— Кто это наделал мне прямо на морду? — продолжал вопить Серый, не снижая громкость. Под его ногами зашевелились мертвецки спавшие собутыльники. Кто-то из них вскочил, кто-то что-то бормотал, не понимая, где он находится, кто-то встал на корточки, пытаясь подняться. После недолгого крика и возмущения Серый нагнулся, нащупал руками табурет и, схватив его за ножку, стал все крушить вокруг.

Он кружился с табуретом вокруг своей оси со словами:

— Убью, суки!

При этом он задел табуретом ничего не подозревавшего и вскочившего с перепуга Вадика, сломал его руку до предплечья, в продолжавшейся нарастать ярости он попал табуретом по голове ничего не подозревавшего Кучерявого, который высунулся из-под ящиков, чтобы узнать, что происходит, при этом выбив ему левый глаз. А по инерции удар пришелся по поднятой вверх руке Вани, от чего последний завыл, как раненый зверь, и прижал к щеке свой сломанный большой палец правой руки. Все вокруг превратилось в сплошные вопли и стоны, а Серый продолжал крушить все и всех, кто попадался ему под табурет, при этом выламывая доски стен подсобки и не давая никому выйти наружу... В таком порыве гнева он разбил голову Хрущу, который, пытаясь увернуться, но из-за темноты и маленьких размеров помещения подсобки встретился с табуретом как раз лицом к лицу.

Таким образом, табуретного огня досталось всем, кроме Веры, вросшей в стену подсобки намертво и потерявшей дар речи.

Не сдерживая своего гнева, Серый закричал:

— Что, скоты, получили? Признавайтесь, кто наделал мне на морду!

В ответ последовали стоны, переходящие в крики о помощи, а Серый, как включенный магнитофон, повторял одно и то же:

— Кто?

Все это продолжалось бы бесконечно долго, но вдруг все притихли от визга и вытья Шарика, который при этом бился и царапался в том месте, где должна была находиться дверь. После чего, Серый, повернувшись в сторону, откуда доносились визги собаки, стал на ощупь искать выход. Он нашарил крючок, поднял его вверх, после чего дверь подсобки распахнулась, обнажив сереющий цвет наступающего рассвета, а Шарик, как измятый клубок шерсти, с визгом выскочил на улицу, скрывшись в неизвестном направлении. Серый вывалился наружу и с табуретом в руке добрался до лавочки, присел...

Он долго молчал, приходя в себя. Воспоминание о случившемся вновь вызвало поток негодования, переросшего в очередную серию разборок с избитыми и изувеченными им людьми, с которыми еще вчера он разделял трапезу собутыльника.

— А ну, выходите, сволочи! — предчувствуя и осознавая последствия табуретного внушения,

чуть тише произнес Серый, обращаясь к подсобке, откуда все еще доносились вздохи и стоны. — Кто меня обделал? Я вас спрашиваю в последний раз.

В ответ послышались стоны и просьбы Кучерявого, Вадика, Вани Хруща, умолявших не бить их.

После некоторых безуспешных выяснений из своего угла выползла Вера и, полная страха, пролепетала в свойственной ей алкогольной манере:

— Эдик, это не мы, это Шарик.

— Что?— взбеленился Серый. — Какой Шарик?

— Это собака, она ночью царапалась и просилась на улицу.

— А почему она на тебя не наделала? Было бы в самый раз, паскуда! — плюнул под ноги Серый.

— Это же твоя собака?

— Не моя, а дворовая, — пропищала Вера, спасаясь как только можно от гнева Серого.

— Убью паскуду, — завопил Серый. — Где она? Где она? — пронеслось эхом в глубине двора, после чего один за другим начали вспыхивать окна дома. Вадик зажал в руке свой палец и глухо стонал, Кучерявый так и не нашел в темноте свой выбитый глаз, который никуда и не падал, а кровавым куском навис над щекой. Ваня Хрущ держался за сломанную руку, болтавшуюся плетью, а сквозь его пальцы сочилась кровь. Все просили о помощи...

Через год Серого судили за хулиганство и нанесение телесных повреждений потерпевшим. Среди них уже не было ни Вадика, находившегося на заработках, ни Хруща, написавшего заявление о рассмотрении дела в его отсутствие, ни Кучерявого, умершего осенью от цирроза печени. Только Вера, как преданная декабристка, сидела в заднем ряду зала судебных заседаний, до сих пор опасаясь гнева Серого. Она внимательно заслушала приговор суда, а когда увозили Серого в СИЗО, они встретились глазами у двери суда и одновременно ощутили ни с чем не сравнимую пустоту времени и их безымянных отношений.

«Вот жизнь! — подумал Серый. — Срок получил, а так и не понял, за что, как будто все, что написано в обвинении, было не со мной».

Выйдя на улицу под конвоем, он на мгновение остановился перед входом в автозак, втянул в ноздри последний глоток воздуха свободы и машинально оглянулся. У двери суда сидел тот самый Шарик, поджав под себя переднюю лапу. Его собачий взгляд с помутневшими от старости некогда карими глазами заставил Серого на мгновение вернуться в ту ночь и проклятую

подсобку с ее воплями и темнотой, отчего он вздрогнул и отвел взгляд.

...По дороге в тюрьму он постоянно молчал, пустота и тяжесть сдавливали грудь, а собачьи глаза, провожавшие его у здания суда, продолжали преследовать, не давая возможности забыться.

«Шарик... Шарик, — мысленно повторял Серый. — Псина ты безмолвная. Только ты знаешь, кто меня так оскорбил в ту зловещую пьяную ночь. Только ты знаешь, но не скажешь. Я уверен, — продолжал перебирать в памяти Серый. — Это Верка соврала тогда, чтобы я ее не убил. Соврала, указав на Шарика, но собака не способна на такое в отличие от...»

Колеса стучали и стучали, увозя Серого к месту отбытия наказания, а в ночном окне вагона блестели собачьи глаза, глаза Шарика — безмолвного свидетеля этой истории.

Содержание

В слове добром и праведном	3
Не судимы будете	8
Очередь за продолжением	25
Воскресенье	47
Жалоба	62
Иск	71
Клетка	82
Спам на портале	103
Портрет	121
Шарик	140

Літературно-художнє видання

НИКУЛІНА
Людмила Петрівна

НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

(російською мовою)

Редактор В. А. Полянецький.
Коректура авторська.
Комп'ютерна верстка М. В. Некоз.

Підписано до друку 26.07.2016.
Формат 70х108/32. Папір офсетний.
Друк цифровий.
Гарнітура «Linux Libertine». Умов. друк. арк. 6,54.
Замовлення № 367.

Свідоцтво ХК №164 від 20.12.2005 р.
про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів
видавничої продукції.

Видавництво ФОП Федорко М. Ю.
Україна, м. Харків, вул. Сумська, 4, оф. 135
тел.: +38 (050) 323-55-86,
+38 (098) 734-22-86+38, (057) 758-19-46,
facebook.com/fedorkobooks
e-mail: fop.fedorko@gmail.com